

Милая

Автор:

Рене Карлино

Милая

Рене Карлино

Миа Келли – талантливая пианистка и выпускница престижного университета с бизнес-степенью. Она разрывается между двумя этими мирами, но когда ее отец неожиданно умирает, ей приходится выбрать третий путь – взять на себе заботу о его кафе, где традиционно собираются музыканты и художники. Мие кажется, что ее мечты о захватывающей, яркой жизни никогда не сбудутся. Но тут она знакомится с Уиллом, харизматичным гитаристом, который становится ее другом и соседом по комнате. Может, теперь ей стоит побороться за мечту?

Рене Карлино

Милая

Renee Carlino

SWEET THING

Copyright © 2014 by Renee Carlino

Credit shall be given to Atria Books, a Division of Simon & Schuster, Inc., as the original publisher

© Наумова И., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Лорен

Аэропорты – огромные фабрики по сортировке людей, и перед писателем, наблюдающим здесь за ними, открываются безграничные возможности. Каждую секунду перед глазами мелькает моментальный снимок человечества, давая бесконечный поток исходного материала. Собственно, в этот самый момент рядом со мной на линии безопасности стоят: тибетский монах, который держится абсолютно спокойно и носит свое терпение, как маску; мать, украдкой кормящая грудью младенца, и морпех в парадной синей форме, на вид суровый и переполненный гордостью. Я думаю, куда они направляются сегодня и куда движутся вообще. Я думаю, смогу ли я обнаружить нечто необычное и достойное того, чтобы написать о нем, просто наблюдая за ними на линии безопасности. Глядя на них, я думаю о том, какие образы я создам, какую картинку я нарисую. Я представляю себе, как по странице бегут, пританцовывая, цветистые слова. От желаний записать оседающие в моей голове подробности у меня дергается рука.

– Вам помочь?

Я вздрагиваю, выходя из транса и осознавая, что вокруг скачут мои малолетние дети, на меня рявкает сотрудник службы безопасности, я застряла на линии, и все мы еще не сняли обуви. Черт.

Этот голос принадлежит женщине лет двадцати пяти, темные волосы которой зачесаны назад и стянуты в идеальный конский хвост. Ее одежду я назвала бы однотонной университетской формой; по существу, она кажется бесцветной, как пробел. В руках она держит серый мешочек с туфлями и безупречно сложенными вещами. Темные брови над большими, круглыми, светло-карими глазами приподняты в ожидании ответа.

– Да! Пожалуйста! Не могли бы вы взять его ботинки? – Я указываю на своего трехлетнего сына. – Вам нетрудно перенести его сюда, ко мне?

– Без проблем.

Стоя по другую сторону металлодетектора, я изучающе смотрю на девушку, пока мы надеваем на мальчиков ботинки.

– Как тебя зовут, малыш? – У нее голос, как у сказочной феи, чего нельзя сказать о лексике.

– Кэш.

– Классное имя, – говорит она и, кажется, в самом деле так думает. – Я – Миа, рада с тобой познакомиться.

– А я Хайден! – выкрикивает мой четырехлетний сын.

– Твое имя мне тоже нравится.

Я встаю и представляюсь:

– Привет, Миа, я – Лорен. Спасибо за помощь. Можно сойти с ума, проводя детей через заграждения в аэропорту.

Я изучаю ее внешность и ощущаю необычное притяжение к ней. Она худенькая, хорошо сложена, у нее сияющая кожа и спокойное лицо. Я вижу в ней нечто, что напоминает меня десятью годами ранее. Она такая же деловитая, какой я была в ее возрасте, как раз за несколько лет до того, как реальная жизнь дает тебе хороший пинок под зад. Я подумала о том, чтобы раскрыть себе череп и вложить его содержимое в ее голову, тогда она, возможно, перескочила бы через неминуемое дерьмо, с которым, как я знала, ей скоро придется столкнуться. Это было трудноосуществимо, поскольку мудрость – не то же самое, что обычная информация, это что-то совсем другое. Мы часто заблуждаемся, давая добрые советы, но мудростью нельзя поделиться с кем бы то ни было. Мудрость можно только заслужить, это побочный продукт опыта, не обязательно знание, иначе я в этот самый момент выслеживала бы Опру Уинфри,

умоляя о переливании крови.

Возможно, вы, когда вам было слегка за двадцать, носили шортики, прогуливали несметное количество лекций, по пять раз меняли специализацию, заводили любовные связи на одну ночь, травились алкоголем, занимались сексом с соседом на глазах у его подружки, встречались с дальним родственником, принимали кокаин, имели плохую кредитную историю или пользовались дешевыми тенями для глаз. Как бы то ни было, к двадцати пяти годам большинство из нас начинают задумываться о другом. Главные вопросы: «Как ты хочешь провести остаток своей жизни?», «За кого ты выйдешь замуж, если вообще выйдешь?», «Какую карьеру ты выберешь?», «Хочешь ли ты иметь детей?». Казалось, будто бы все, что я знала в двадцать пять лет, трансформировалось во все, чего я не знала к двадцати шести, когда я внезапно осознала, что многие решения, которые мы принимаем в двадцать лет, преследуют нас всю жизнь.

Некоторым эти решения даются легко. Можно сказать, что такие люди похожи на мелкие лужи, по которым мы шлепаем, но я бы сказала, что такие люди – счастливики, потому что сейчас, когда я смотрю на эту девушку – себя в прошлом, – которая вроде бы с полной невозмутимостью владеет собой, я понимаю, что она стоит на краю глубокой пропасти. Глядя на нее, я могу сказать, что она еще похожа на стоячую воду, которую вы когда-либо перепрыгивали по камням. Мир, как ей известно, собирается перевернуться с ног на голову, и, если она не научится плавать, собственная глубина затянет ее. Я испытываю огромное желание прошептать «отступи», но не делаю этого. Как и любой другой в этом аэропорту, она куда-то направляется, возможно, это ее первая остановка на горьком маршруте самопознания. Как и всем остальным, ей придется пройти трудный путь, который мы не всегда контролируем. Порой, для того чтобы показать нам, кем мы являемся на самом деле, он лишает нас чьей-то любви.

Передвигаться по аэропорту с двумя маленькими детьми – нелегкая задача, и, прежде чем я сяду в самолет, я подумаю о том, достаточно ли я захватила с собой еды, хватит ли музыки в DVD-плеере или сил укачать малыша весом в тринадцать с половиной килограммов, расхаживая между туалетом и помещением для стюардесс. Гоняясь за малышами, пытаюсь впрыснуть «Бенадрил» в их крохотные рты, я размышляю о том, оправданны ли были те решения, которые я принимала в двадцать лет. Выдержит ли мой брак испытание временем? Хорошая ли я мать, жена, писатель, соседка, собачница?

Потом я вспоминаю о пути, который привел меня к подобным решениям, и эти воспоминания весьма утешительны для меня, потому что память – это напоминание о том, кто я в этой суматошной жизни.

Прежде чем направиться к выходу, я оглядываюсь на Мию и размышляю о том, что она думает обо мне, такой измотанной и растрепанной, в мятой одежде, покрытой крошками от еды. Я размышляю о том, известно ли ей, что иногда мы что-то воображаем, а потом жизнь меняется, и нам приходится придумывать все заново. Я уверена, она довольно скоро этому научится, и ей самой будет что рассказать...

Трек 1: Начинающие

У сотрудника безопасности аэропорта заканчивалось терпение.

– Мадам, я сказал, что вы должны снять обувь и положить ее в мешки.

Она не нарочно игнорировала его, она была занята – ну да, она не просто так смотрела в пустоту. Если бы нас оценивали за то, как быстро мы снимаем с себя одежду, чтобы положить ее в эти серые мешочки, я получила бы пятерку с плюсом. Однако женщина напротив меня терпела неудачу. Двое ее детей носились вокруг, вопя как оглашенные, пока она, кажется, грезила наяву.

Я слегка похлопала ее по плечу, но она не ответила. В конце концов я, кашлянув, спросила:

– Вам помочь?

Я решила, что могу помочь ей, поскольку не двинулась бы с места раньше, чем это сделала бы она.

Она беззвучно пробормотала: «Черт!» – а потом сказала:

– Да! Пожалуйста! Не могли бы вы взять его ботинки? Она указала на маленького светловолосого, голубоглазого ангелочка. – Вам нетрудно перенести

его сюда, ко мне?

– Без проблем.

Я подошла к мальчугану, который сразу же успокоился. Широко улыбнувшись ему, я рывком сняла с него ботинки и засунула их в мешок, быстро передвигающийся на конвейерной ленте.

– Готов, малыш?

Ребенок кивнул, и я, подхватив его, понесла к металлодетектору. Тепло от его рученок, обхвативших мою шею, разлилось по моему телу. Я улыбнулась ему, скосила глаза и сделала глупую гримасу. Его смех прозвучал, как музыка. С трудом оторвав от себя его вцепившиеся в меня ноги и руки, я опустила его на пол.

Мы провели мальчуганов через рамку металлодетектора, а затем начали собирать вещи с другой стороны. Я проводила ее до скамеек, чтобы помочь снова одеть мальчиков. – Как тебя зовут, малыш?

– Кэш, – нежным голоском ответил он, сияя улыбкой.

– Классное имя. – Правда, это мое любимое имя. – Я – Миа. Рада с тобой познакомиться.

– Я – Хайден! – выкрикнул его темноволосый братец. Они были почти одинакового роста, но у Хайдена были темные волосы и темные глаза.

– Твое имя мне тоже нравится, – с улыбкой пробормотала я.

Их мама встала и представилась.

– Привет, Миа, я – Лорен. Спасибо за помощь. Можно сойти с ума, проводя детей через заграждения в аэропорту.

Она глубоко вздохнула.

Я заметила, что мы похожи друг на друга. Она была такая же стройная. Те же темные волосы, чистая кожа и светло-карие глаза. Это было странно. Она могла бы быть моей сестрой или, возможно, мной десять лет спустя? Впрочем, она чем-то отличалась от меня. У нее были тусклые и запавшие глаза, и она выглядела изнуренной. В этот момент я подумала, хочу ли стать матерью – разве что мне достанется идеальный муж, надежный, с крепким здоровьем и предпринимательской хваткой. Я решила, что, если у меня были бы дети, я уж точно справилась бы лучше, чем эта дама.

Для двадцатипятилетней девушки я, надо сказать, была немного помешана на самоконтроле. В общем-то я свыклась с этой гранью собственной личности. Я думала, что стану независимой женщиной, которая держит ситуацию под контролем и принимает решения, руководствуясь умом, а не сердцем. Мне казалось, сделать правильный выбор было равносильно тому, чтобы обеспечить себе успех. Разумеется, я не знала о том, что мое определение успеха изменится таким радикальным образом.

Я пробежалась глазами по монитору, выискивая рейс № 25, направляющийся из Детройта в Нью-Йорк, с посадкой в аэропорту имени Джона Фицджеральда Кеннеди. Я проклинала себя за то, что не смогла запомнить выход, который мне назвал служащий. Все из-за моей небрежности. Ладно, 35В. Я живо прошла мимо Лорен и ее двоих малышей, которых она отлавливала в магазине дьюти-фри. Должно быть, полеты выматывают ее. На секунду я понадеялась, что мы не полетим одним и тем же рейсом, а потом тотчас же почувствовала себя виноватой за подобную мысль. Я решила, что мне следует предложить ей помощь, если она в конце концов полетит моим рейсом и будет сидеть где-то поблизости; впрочем, я лучше поспала бы.

Я люблю летать, для меня это бегство. Ты как будто в пустоте, как будто сдаешься судьбе. Мне всегда было трудно понять, что такое судьба, но при необходимости я доверялась ей, например в самолете или в подземке. Во время полета я позволяю себе верить в судьбу просто оттого, что слишком утомительно беспокоиться о том, подливал ли пилот себе виски в кофе или нет. Это очень напоминает мое отношение к религии, очень напоминает мое отношение к вере в Бога.

Мне нужно было, чтобы пару часов меня никто не тревожил, и я надеялась на это. Я пообещала себе, что не стану ни о чем думать. Не стану беспокоиться о том, что мне делать с папиной квартирой, его вещами, кафе и кучей всего, чем

владел мой отец в Нью-Йорке. Я просто приеду туда и продолжу жить его жизнью до тех пор, пока не решу, что делать со своей собственной.

Когда месяц назад мой отец внезапно скончался от сердечного приступа, я была опустошена. Хотя я выросла в Анн-Арборе и меня воспитывали главным образом моя мама Лиз и отчим Дэвид, которого я называла папой, я по-прежнему была очень близка со своим биологическим отцом, Аланом Келли. Я проводила лето в Нью-Йорке, помогая ему в кафе, болтаясь среди обитателей Ист-Виллидж, в ту пору еще казавшихся эксцентричными. Мой отец был единственным ребенком в семье ирландских иммигрантов. Его родители отдали ему все до копейки для того, чтобы он открыл кафе «Радуйся» в Ист-Виллидж в 1977 году. В 82-м оно было переименовано в «Кафе Келли», а потом, в 89-м, его наконец стали называть просто «У Келли». В 70-х годах оно стало любимым местом сборищ для всех трубадуров и трубадурш. Оно было и остается тем местом, где в атмосфере ощущаются свобода и творчество, которые практически сочлились из пор моего отца. Я испытала бы горькую радость, вернувшись туда.

Я вовремя подошла к своему выходу. Лорен нигде видно не было. С облегчением вздохнув, я быстро огляделась вокруг, выискивая усталого и необщительного пассажира, чтобы сесть с ним рядом. Я прошла на посадку и быстро нашла свое место. Запихнув сумку в багажное отделение наверху, я уселась и начала свой предполетный ритуал: надела ужасно пушистые носки, засунула в уши наушники, поставила на iPod Дэмиена Райса[1 - Дэмиен Райс - ирландский автор и исполнитель песен. (Здесь и далее примечания переводчика.)] и пристроила подушку возле шеи. Я была готова. Когда последние пассажиры поднимались на борт, место у окна оказалось свободным. Искривив губы в насмешливой ухмылке, я преждевременно благодарила вселенную за то, что оно осталось пустым, пока, подняв глаза, не увидела направлявшегося ко мне парня. Должна признаться, он был великолепен, но, как только я увидела футляр гитары, у меня скрутило живот.

О, нет, прошу тебя, судьба, не позволяй этому амбициозному, тщеславному, вероятно, вонючему музыканту сесть рядом со мной.

Подойдя ко мне, он выпалил: «Привет!» Помолчав, он посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

- Не хочешь занять место у окна? Если да, оно в твоём полном распоряжении.

– Что? Уф, нет, спасибо. Какого дьявола этот парень так ведет себя?

– Я ужасно боюсь летать самолетом, – нерешительно пробормотал он. – Прошу тебя, мне необходимо сидеть с краю, прости, ты не против? Кстати, меня зовут Уилл.

Пересаживаясь на место у окна, я пробормотала:

– Да, отлично, можешь сесть здесь. Я – Миа. – Я вяло помахала рукой, намеренно избегая рукопожатия.

Не поймите меня превратно, я люблю музыку, я живу ради нее. Я получила классическое музыкальное образование, играю на фортепиано и могу сама освоить почти любой инструмент. Когда я жила в Анн-Арборе, казалось, что каждый ребенок играл на пианино или на чертовой виолончели, но я искренне люблю музыку, за что спасибо отцу. Когда я проводила лето в Нью-Йорке, он знакомил меня с миром музыки – рок-н-роллом, блюзом, джазом, с чем угодно, а потом я возвращалась домой и на протяжении всей зимы разучивала Опус 23 Рахманинова. Игра на фортепиано по законам, которым меня учили, в сочетании с раскрепощенной методикой, поощряемой моим отцом в летние месяцы, всегда приводила к тому, что в моем стиле смешивались порядок и бунт. Я старалась смириться с такой путаницей, но порой она заканчивалась конфликтом.

Я думаю, мою мать привлекла любовь моего отца к музыке, его свободный дух и манеры битника, хотя она никогда не призналась бы в этом. То, что случилось между ними, она называла сумасбродством наивной девятнадцатилетней девушки. Это случилось летом 1982 года, она отдыхала вместе с родителями на полуострове Кейп-Код, когда с парой подруг решила на один день съездить в Нью-Йорк. Один день обернулся пятью, и мама вернулась на Кейп-Код беременной. Отец с самого начала признал этот факт, но бабушка с дедушкой не позволили своей юной незамужней и беременной дочери переехать в Нью-Йорк. Когда я подросла, то стала задумываться о том, почему отец не последовал за мамой в Анн-Арбор. Я знала, что он хотел взять на себя ответственность за меня, и знала, что он заботился о моей матери, но думаю, он вообще не принадлежал к числу однолюбков. Его образ жизни был слишком далек от всего, что напоминало традиционный семейный уклад.

После того как я появилась на свет, мы жили вместе с бабушкой и дедушкой, пока мама училась в Массачусетском университете, в конечном счете получив диплом юриста. Именно тогда она познакомилась с Дэвидом, и с тех пор они стали неразлучны, они даже проходили стажировку в одной и той же фирме. Я думаю, мой отчим внушил моей маме то чувство стабильности, которой ей не смог бы обеспечить или не обеспечил бы мой отец. Поэтому я восхищалась Дэвидом. Он относился ко мне, как к своему собственному ребенку, и, хотя я иногда не соглашалась с ним, особенно в подростковом возрасте, я всегда ощущала, что он любит меня.

Сначала папа время от времени приезжал навестить меня в выходные дни, пока я не подросла и не стала летом ездить в Нью-Йорк. Они с Дэвидом испытывали друг к другу огромное уважение, несмотря на то что трудно было найти двух более непохожих друг на друга мужчин. Их объединяла безоговорочная любовь к моей матери и ко мне. После того как отец узнал, что я называю Дэвида «папа», он просто сказал: «Он – твой папа так же, как и я, но, чтобы все было по справедливости, почему бы тебе не называть меня отцом?» Так я и сделала.

Компания псевдоинтеллектуальных друзей моей мамы обоего пола относилась бы ко мне, как к плоду крайне опрометчивого поступка, если бы я не была музыкально одаренной, не произнесла прощальной речи от лица своих одноклассников по окончании средней школы, а теперь не получила диплом «Лиги плюща». Тот факт, что, учась в Брауновском университете, я выбрала в качестве специализации бизнес, удивил всех, но, если говорить о музыке, то я стремилась к более живому опыту. Мне не хотелось ни одной лишней минуты тратить, с трудом преодолевая фуги Баха под гипнотизирующий меня метроном. Мне хотелось получить диплом, который бы мне пригодился, и хотелось, чтобы музыка стала моим хобби. Я все еще раздумывала о том, как лучше применить свой диплом...

Я уже опустила шторку на иллюминаторе, мои глаза и мысли отключились от окружающего мира, когда я почувствовала удар своей собственной сумкой, которую отшвырнуло на сиденье рядом со мной. Я быстро открыла глаза и посмотрела вверх на Уилла, который с яростью снова запихивал все в багажное отделение.

– Прости, детка, мне пришлось освободить место для своей подружки, – сказал он, хватая гитару и поднимая ее наверх.

При мысли о том, что он относится к своей гитаре как к живому человеку, я закатила глаза. Взяв мою сумку, он засунул ее в багажное отделение и рухнул в кресло. Я бросила на него слегка обиженный взгляд. – Почему ты не попросил места у прохода? – спросила я.

– Ну, видишь ли, милая, я люблю сидеть через ряд от аварийного выхода. Я перепрыгиваю через это кресло, выпрыгиваю в люк и через долю секунды соскальзываю по надувному трапу, – ответил он с самодовольной улыбкой.

– Так почему бы не попросить место у аварийного выхода?

– Я не такой, поверь мне.

– Вот тебе на! Времена рыцарей давно прошли. В любом случае это не важно, наша жизнь – в руках этих, будем надеяться, трезвых пилотов и груды металла весом чуть не в полтонны, поэтому...

– Мы можем сменить тему? Мне кажется, ты не понимаешь. – Вынув из кармана четки, он начал надевать их на шею.

– Сдается мне, ты понятия не имеешь, для чего это предназначено, – с усмешкой пробормотала я. – Ты католик? – Он безуспешно пытался отодрать крохотный ценник от одной из бусин. – О господи, ты купил это в магазине аэропорта, не так ли?

Приложив палец к губам, он сказал: – Ш-ш-ш! Женщина, прошу тебя! – Он огляделся вокруг, словно не желая быть замеченным. – Конечно, я католик.

Я тихо фыркнула. – Ну, бог его знает, только если ты обмотаешь ими шею, вместо того чтобы распевать «Аве Мария», это, вероятно, выведет из себя Большого Парня, и нам всем не поздоровится.

Он нервно засмеялся и прошептал:

– Слушай, маленькая соблазнительница, ты как будто дразнишь меня, не так ли? – Дожидаясь, что я отвечу, он смотрел прямо в глаза и хитро улыбался.

Внезапно я смутилась и нервно затрясла головой.

– Извини.

Продолжая улыбаться, он слегка скосил глаза, а потом, прежде чем отвернуться, подмигнул мне и достал стопку журналов из кармана впереди стоящего кресла.

Пока он просматривал информацию по безопасности полета, мы начали выруливать на взлетную полосу. В этот момент я кое-что заметила. Во-первых, Уилл был очень привлекателен. Даже если он был одет чуть старомодно и его зубы были не слишком идеальными, он легко мог бы стать моделью для журнала. Это был малый выше метра восьмидесяти ростом, худой, с мускулистыми, возможно, от многолетней игры на гитаре, руками. У него были взъерошенные каштановые волосы и черные глаза, точеная челюсть, высокие скулы и роскошные губы. Читая, он шевелил губами так же, как дети беззвучно читают про себя.

Во-вторых, пахло от него совсем неплохо – что уж там, он источал божественный аромат. Это была смесь геля для душа и сандалового дерева с очень легкой примесью сигаретного дыма, что обычно отталкивает меня, но ему почему-то шло. Он был одет в черные слаксы в тонкую полоску, висевшие на тощих бедрах, с ремнем, украшенным серебристыми заклепками и цепочкой для бумажника, и красную майку с надписью «Вперед!» с изображением Хиллари и Билла Клинтон, играющих в пинг-понг. Я не поняла, к чему это.

В-третьих, он ужасно боялся летать и явно собирался всю дорогу переживать. Я решила успокоить его нервную систему, проявив дружелюбие, и полюбезничать с ним.

Вышел пилот и объявил, что нам разрешили взлет.

– Господи Иисусе! Тебе не кажется, что он пьян? – выпалил Уилл.

– Вовсе нет. Расслабься, дружище, все пройдет отлично, и тебе, вероятно, не стоило бы так часто поминать Иисуса Христа, по крайней мере, пока на тебе надето вот это. – Я указала на четки вокруг его шеи. Он опустил глаза на бусины, словно ожидая, что они вот-вот рассыплются.

Он нервно пробормотал:

– Эй, послушай, не могла бы ты открыть шторку? Мне необходимо видеть, как мы будем отрываться от земли? – Мне пришлось подчиниться, поскольку он перегнулся через меня и смотрел в окно.

– Ты странный, Уилл. Ты хочешь сидеть в кресле с краю, где ты сейчас и сидишь, перегибаться через меня и выглядывать в окно.

Он глубоко вздохнул, не обращая внимания на мое замечание, склонил голову набок и прошептал с легкой улыбкой:

– От тебя приятно пахнет, как после дождя. – Находясь в такой близости от него, я оказалась совершенно застигнутой врасплох, по моему телу пробежала легкая дрожь.

– Что у тебя за гитара? – резко спросила я, пытаюсь сменить тему.

– Хм, электрогитара? – Его ответ прозвучал как вопрос.

– Это я знаю. Какой марки?

– «Fender». Скосив глаза, он улыбнулся. Он казался очарованным и, возможно, был благодарен мне за то, что мы говорим о гитаре, пока самолет разгоняется по взлетной полосе. Еще не до конца расслабившись, он сидел, вцепившись в подлокотники кресла.

– Это «Telecaster», «Stratocaster»?..

– На самом деле это светлая «Tele». У меня дома еще есть акустическая «Gibson» и винтажная «Harmony».

– Мне нравятся старые гитары марки «Harmony». Отец на мое пятнадцатилетие подарил мне свою H78. Это была первая гитара, купленная им на собственные деньги. Он заказал ее по каталогу «Sears» в 1970 году.

От удивления он вытаращил глаза.

- Потрясающе. Должно быть, твой отец – крутой парень.

- Он умер месяц назад.

- Черт... Прости меня, – с искренним сочувствием пробормотал он.

- Все нормально, но сейчас мне не хотелось бы говорить об этом. Давай поговорим о гитарах, – сказала я, думая, что это было бы полезнее для нас обоих.

Когда мы набрали высоту, он немного расслабился и начал рассказывать о волшебных звукоснимателях «Harmony» и модификациях, которым он подверг свою «Telecaster». Он явно понимал, о чем говорит, и мне была приятна его увлеченность.

Продолжая непринужденно болтать, мы заговорили о наших любимых музыкантах. Мы совпали во всем, начиная с Леда Цеппелина до Бетт Мидлер. Мы обсудили Майлза Дэвиса, Дебюсси, группу «Niazi Brothers» и Эдит Пиаф. Никогда еще мне не приходилось вести такой насыщенной и разнообразной беседы на музыкальные темы. Весь полет до самого конца мы пробормотали без передышки.

Я рассказала ему о своей музыкальной подноготной, а также о том, что собираюсь жить вместе со своим золотистым лабрадором Джексоном в отцовской квартире и управлять кафе, и, возможно, давать уроки игры на фортепиано на стороне. Он рассказал, что работает барменом в бутике, расположенном в холле отеля в Сохо, и о том, что сейчас буквально живет в чулане неподалеку от Чайна-тауна, поскольку пока не может снять квартиру. Он играл на гитаре в одной группе, от которой был не в большом восторге. В промежутках между репетициями и работой, а также редкими концертами, которые бывали у него раз в месяц, он почти не бывал дома.

На секунду я подумала о гостевой спальне в папиной квартире, но потом выбросила эту мысль из головы, напомнив себе о том, что совсем не знаю Уилла. Даже если его нервозность показалась мне скорее милой, чем пугающей, я решила, что приглашать пожить к себе бедного музыканта – не самая лучшая идея.

Когда самолет начал снижаться, Уилл вцепился в подлокотник кресла.

– Миа, мы снижаемся. Мне нужно узнать все прямо сейчас! Сколько тебе лет, как твоя фамилия, на какой улице ты живешь? Если мы выкарабкаемся, я думаю, мы могли бы посидеть где-нибудь вместе, знаешь, помузицировать или что-то в этом роде.

Он был очарователен. Я таяла под его взглядом. Прежде чем ответить, я нервно заерзала.

– Моя фамилия Келли, я почти всю неделю буду в папином кафе «У Келли», на авеню А. Заходи как-нибудь выпить со мной кофе, поболтаем о музыке. Ох, и мне двадцать пять лет.

Когда мы приземлились живыми и здоровыми, он нежно улыбнулся мне и тихо сказал:

– У нас обоих двойные имена. Я – Уилл Райан, мне двадцать девять лет. Я живу на двадцать второй Мотт-стрит в складском чулане и работаю в отеле «Montosh». У меня первая отрицательная группа крови, знаешь, универсальная, и я играю в группе под названием «The Ivans». О, и я люблю кофе. Было приятно с тобой познакомиться, Миа.

– Мне тоже было приятно с тобой познакомиться. – Я говорила искренне.

– Мы сделали это, – сказал он, показывая в окно, когда мы подруливали к выходу. – Знаешь, говорят, что те, кто вместе смотрели в лицо смерти, связаны друг с другом на всю жизнь.

Я засмеялась.

– Ты хитрый шалун, Уилл.

– Я бы сказал, неотразимый, – заявил он с нахальной ухмылкой. Вручив мне мою сумку, он пропустил меня перед собой. От его теплого дыхания, которое я ощущала на своей шее, я содрогнулась и качнулась вбок. Он ухмыльнулся.

– Ты очаровательна.

– Когда другой пассажир, встав с кресла, толкнул меня, Уилл выпалил:

– Эй! Разуй глаза, приятель! Обернувшись, я увидела его соблазнительную улыбку. Перестав улыбаться, он прищурился, а потом прошептал:

– Видишь, малыш, рыцари еще не перевелись.

Выйдя на улицу и вдохнув морозный мартовский нью-йоркский воздух, я почувствовала, что он идет за мной, но не обернулась. К счастью, у такси не толпились люди, поэтому я сразу же подозвала машину, запрыгнула в нее и, захлопнув дверь, крикнула: «Алфавет-сити, Манхэттен!» Когда мы съехали с пандуса, я бросила взгляд назад, на Уилла. Глядя на меня с любопытством, он выдохнул полные легкие дыма, словно прислушиваясь к Богу. Наши взгляды встретились, и, слишком энергично помахивая рукой, он беззвучно произнес: До свидания, Миа. В тот момент, когда он пропал у меня из виду, мне показалось, что с его губ сорвалось слово «милая».

Пока такси лавировало в потоке машин, я не могла выбросить Уилла из головы. На протяжении всего полета я ни разу не подумала о своем будущем, об отцовской квартире, а Уилл, как мне показалось, не очень боялся, что мы разобьемся. Мы как будто нашли с ним общий язык, что уж там, мы в самом деле нашли с ним общий язык. Он дурачился – до такой степени, что говорил искренне, – это хорошая черта. Думая о нашем разговоре, я вспоминала, как он назвал Пита, ведущего вокалиста группы «The Ivans», самым большим в мире придурком. Мне было понятно, что Уилл работает в этой группе из-за любви к музыке, а не ради славы или секса, я была уверена, что в этом отношении он не нуждался в чьей-либо помощи. Я поняла, что в нем есть нечто, притягивающее меня, но в тот момент я убедила себя в том, что Уилл не годится на роль бойфренда – во всяком случае, моего. Я подумала, что мы, возможно, могли бы стать друзьями – в конце концов, в моем новом городе у меня их было немного.

В последний раз я приезжала в Нью-Йорк месяц назад на похороны отца. Я поняла тогда, что мне придется бросить свою работу, отчего меня захлестнуло волной тревоги. Мне нужно было разобраться в папиных делах и расчистить место для себя. Подходя к двери, ведущей на лестницу, я остановилась у почтового ящика и вставила ключ в замочную скважину, но едва смогла

повернуть его, так много почты скопилось в крохотном ящике. Мне удалось запихнуть внушительную стопку себе под мышку и донести остальные вещи по ступеням до лестничной площадки. Опустив сумки на пол, я стала искать нужный ключ. Прежде чем дверь наконец открылась, я испробовала пять ключей. Оказалось, что огромное кольцо с ключами было лишь каплей в море открытий, связанных с моим отцом, которые мне предстояло сделать.

Прежде всего, войдя в квартиру, я заметила, что в ней очень чисто. Кто-то побывал здесь, вероятно, одна из двух женщин, которые были в жизни моего отца. Либо Марта, заменившая ему сестру, – она работала вместе с ним в кафе «У Келли», либо Шейл, время от времени выступающая в роли его подружки. Обе женщины присутствовали в жизни отца не один десяток лет, и обе были для него чем-то вроде семьи. В ближайшие месяцы они должны были стать для меня спасательными кругами, поскольку я замахнулась на то, чтобы разобраться в делах отца и в его истории.

Избавившись от кучи рекламной макулатуры, я отсеяла несколько финансовых документов и счетов, а потом взяла в руки письмо от адвоката по наследственным делам. Склонившись над кухонным столом, я, прежде чем открыть его, закрыла глаза и глубоко вдохнула. В застоявшемся воздухе квартиры все еще витал запах отца, как будто то, что осталось от его жизни, напоминало мне о том, что его душа, по крайней мере, жива. От осознания потери слезы подступили к глазам и закололо сердце. Я вызвала в памяти его запах – смесь ароматов эспрессо, масла бархатцев и свернутых вручную сигарет с ароматом гвоздики, – пропитавший всю его одежду, в сочетании с натуральными специями и потом. Я тихо улыбнулась, с болью вспомнив о нем, а потом вернулась к тому, что держала в руках.

После того как у отца случился сердечный приступ, мама с Дэвидом, отложив все дела, последовали за мной в Нью-Йорк, чтобы все уладить. Я смутно помню, как прошла та неделя, наполненная потрясениями и болью, но естественность, деликатность и дружеское отношение, которые проявила мать во всех этих делах, воодушевляли и интриговали меня. Я не могла сказать с уверенностью, объяснялось ли это ее любовью ко мне и желанием помочь, поскольку она понимала, что я страдаю, или глубокой любовью к отцу, о которой я не подозревала. Какой бы раздробленной ни казалась мне наша семья в детстве, после смерти отца мы все объединились. Разве не так всегда бывает? Казалось, мама и Марта были сестрами с общей, никому не известной историей, они обе идеально вписывались в атмосферу квартиры и кафе «У Келли».

За день до похорон мы работали в кафе, и я видела, как мама явно со сноровкой управляет с кофемашиной, готовя эспрессо. – Ты была бариста в другой жизни? – спросила я тогда.

– Не велика наука, милая. – Она была от природы сообразительной почти во всем, за что ни бралась. Эта черта ее характера восхищала меня, и именно ее-то я, разумеется, и не унаследовала.

Мама и Марта занимались похоронами, тогда как Дэвид взял на себя заботу о некоторых юридических аспектах имущества моего отца. Я знала, что должна принять кое-какие решения, но в тот момент не была готова к ним, поэтому после похорон решила вернуться обратно в Ан-Арбор, закончить свои дела, а затем на несколько месяцев приехать в Нью-Йорк и остаться там до тех пор, пока не решу, что делать. До смерти отца переезд в Нью-Йорк никогда не входил в мои планы, но теперь я оказалась здесь.

Все, что касалось его имущества, было предрешено заранее. Я была единственной правопреемницей его активов. Однако я знала, что отец, возможно, хотел бы, чтобы какое-то имущество досталось Шейл и Марте, и была уверена, что он оставил распоряжения по поводу кафе. Открыв письмо, по его тональности и официальной форме я поняла, что отец продиктовал его своему адвокату, а потом подписал. Он хотел, чтобы все было официально. Все, что касалось финансов, содержалось в другом разделе завещания. Я поняла, что письмо, которое я собиралась прочесть, касалось его личного имущества, а также надежд и упований, связанных с кафе. Бегло пробежав глазами формальности в начале письма, очевидно добавленные адвокатом, я добралась до сути. Я собралась с духом.

Шейл Харайана и Марта Джонс должны получить доступ в мою квартиру, чтобы забрать свои личные вещи, а также любые музыкальные записи, письма или фотографии, которые им принадлежат.

Прошло некоторое время, пока я изучила пространственный документ. Я проводила указательным пальцем под каждым словом, не спеша выискивая скрытое послание, но больше ничего не было. Все принадлежит мне. Он все оставил мне. Я была потрясена тяжестью этой новости, он доверил мне все, на что потратил

всю свою жизнь. От осознания этого факта мне стало не хватать его еще больше.

Зазвенел звонок, неожиданно выведя меня из оцепенения. Я подошла к домофону.

– Да?

– Это Марта. – Я немедленно нажала на клавишу и услышала, как она поднимается по ступеням вместе с моим четвероногим другом. Открыв дверь, я тут же рухнула на пол, когда Джексон всем своим весом обрушился на меня, сбив с ног передними лапами.

– Я скучала по тебе, приятель!

Облизав мне лицо, он переминался с лапы на лапу, пока я чесала его за ушами. Встав с пола, я упала в объятия Марты. – Спасибо, что позаботилась о нем и о кафе.

– О, моя маленькая Миа! Как приятно снова увидеть тебя, милая.

Не отпуская моих плеч, она отстранилась, чтобы получше рассмотреть мое лицо. Глядя мне прямо в глаза, она пробормотала:

– Нам предстоит много работы, не так ли?

Это еще было слабо сказано.

Трек 2: Привет, ты мне нравишься

Порывшись в коробке с фотографиями, Марта вытащила оттуда одну и, подняв руку, показала мне. – Помнишь, маленькая Миа?

Пока я разглядывала черно-белое фото, на меня нахлынули воспоминания. Мы были в зоопарке, в Мемфисе, все вместе. Мне было лет шесть, и я сидела у отца на плечах. С одной стороны от нас стояли мама и Дэвид, а с другой – Марта со своим мужем Джимми. Все мы напряженно улыбались во весь рот, глядя в камеру, за исключением мамы – она смотрела на отца и на меня. Она улыбалась совсем не так, как все остальные, в ее улыбке не было напряжения, она была теплой и наполненной любовью.

Марта и Джимми вместе с отцом совершали поездку по Соединенным Штатам. Мама с Дэвидом решили, что мы встретимся с ними в Мемфисе. Как раз через несколько секунд после того, как был сделан этот снимок, пошел дождь. Вместо того чтобы на этом закончить нашу прогулку, отец показал куда-то пальцем и закричал: «К бабочкам!» Промокший под теплым дождем, он вприпрыжку побежал к инсектарию, раскачивая меня на высоте своего роста в метр восемьдесят пять. Я вцепилась в его каштановые волосы, отливающие рыжиной, а он мурлыкал себе под нос «Rocky Road to Dublin»[2 - «Rocky Road to Dublin» («Каменистая дорога в Дублин») – ирландская песня XIX века о событиях, которые происходят с человеком на его пути из родного городка в Ливерпуль.]. Я помню, что ощущала себя в безопасности, ощущала себя любимой, знала – я там, где мне и полагалось быть.

Когда мы вошли внутрь помещения, закрытого со всех сторон, он показал на куколку и объяснил мне, как она превращается в бабочку.

– Папа, а я тоже должна в кого-нибудь превратиться?

– Конечно, душечка. Мы всегда меняемся, всегда чему-то учимся, всегда развиваемся.

– Значит, однажды я стану красивой бабочкой?

Улыбнувшись, он тихо засмеялся.

– Ты и теперь красивая бабочка. Дело в том, что изменения происходят здесь. – Он показал на мое сердце.

Прежде чем вернуть фотографию, я еще несколько секунд смотрела на нее, впитывая в себя их молодость. С тех пор Марта совершенно поседела, а ее ярко-

голубые глаза, хотя и не потеряли своей замечательной выразительности, но потускнели, подернувшись серой дымкой, и теперь были обрамлены глубокими морщинами. Она редко пользовалась макияжем, зато, оставаясь верной классическому духу хиппи, всегда носила цветные рубашки и длинные летящие юбки или полинялые джинсы. Я протянула ей фотографию, а она продолжила разбирать коробку. Беря снимок у меня из рук, она заметила мои страдающие глаза и постаралась поскорее закрыть ее.

- Оставь все это себе, милая, и посмотри, когда будешь готова.

Отнеся коробку в кладовку в коридоре, я поставила ее на верхнюю полку до лучших времен.

После моего приезда в Нью-Йорк Шейл с Мартой несколько раз приходили в квартиру. Они собрали памятные для них вещи, и все мы приложили усилия к тому, чтобы квартира больше походила на мое жилище.

Шейл страдала молча. Посторонние могли принять ее молчание за безразличие, я ее хорошо знала. Двадцать лет назад она приехала сюда из Индии вместе с музыкальной труппой. Однажды она встретила моего отца и больше не захотела возвращаться назад. В совершенстве играя на ситаре, Шейл добилась очень большого успеха, работая с Мировым музыкальным институтом. Благодаря запредельной красоте и страсти, которыми отличалось ее исполнение, она превратилась в модного музыканта и принимала участие в разного рода действиях, способствующих популяризации восточной музыки.

Хотя я никогда не видела ее плачущей на людях, я знала, что она очень страдает, потеряв моего отца. Она обнаружила его в квартире спустя несколько минут после сердечного приступа. На похоронах она играла очень длинную и печальную музыкальную пьесу, но при этом ее лицо сохраняло совершенно стоическое выражение. Когда я потом обняла ее, то поняла, что ее сари промокло на груди. Слезы падали из глаз, но выражение ее лица не менялось. Это признак чистого страдания и полного подчинения чувствам, когда душа плачет и тело не сопротивляется ей, поэтому я поняла, что она глубоко переживает.

Похороны отца больше напоминали почетную церемонию. Рядом с церковью Святой Бригитты собралась большая толпа народу, музыканты играли песни, а

постоянные посетители кафе говорили о его щедрости и о его характере. Этот февральский день выдался непривычно теплым для Нью-Йорка. Помню, как я сквозь слезы с восхищением смотрела на блики света, которые, пробиваясь сквозь ветви деревьев, наполняли воздух теплом и силой. Это была прекрасная возможность попрощаться с отцом и напомнить себе о том, что его душа жива. Именно таких проводов ему и хотелось бы, чего-то скорее напоминающего тихий концерт на открытом воздухе в честь его памяти, а не грустных поминок в кафе «У Келли». В своем завещании отец потребовал, чтобы его кремировали, но не оставил никаких распоряжений по поводу своего праха. В душе я пообещала, что что-нибудь придумаю. Я найду способ прокричать «Виват!» его стихийному и любящему духу.

Шейл жила в квартире прямо над кафе. Мое жилище находилось через один дом от него, над итальянским рестораном «У Сэма». Там не подавали кофе, и они отправляли всех посетителей в отцовское кафе, утверждая, что нигде не варят такого вкусного капучино, как у нас. В благодарность мы позволяли им пользоваться небольшим складом за нашей конторой. Это были полезные отношения.

– Марта, я буду работать семь дней в неделю до тех пор, пока мы не проверим все гроссбухи, – сказала я утром перед открытием кафе.

– Разумеется, ты не обязана этого делать, ты подорвешь себе здоровье.

– Я не понимаю, зарабатываем мы деньги или теряем их, и я не собираюсь никого нанимать на работу до тех пор, пока мы не разберемся с финансами.

– Я, не глядя в бухгалтерскую книгу, скажу тебе, что дела у нас идут отлично, – сказала она, бросая взгляд на дверь, где начали собираться клиенты. – В любом случае твой отец тщательно вел документацию. Если она говорит о том, что мы в бедственном положении, значит, так оно и есть. – В этом она была права, мой отец был хорошим бизнесменом и аккуратно вел документацию.

Кафе было похоже на музей. Одна стена длинного и узкого помещения была из нештукатуренного кирпича и оставалась в первозданном виде. Противоположная стена была обшита деревянными панелями, покрытыми толстым слоем темно-синей краски, и почти полностью завешана черно-белыми фотографиями. Среди них были фотографии знаменитых клиентов, музыкальных

шоу, проходивших в кафе, а также отцовских друзей и служащих, работавших в кафе в разные годы, и совсем немного моих фото. Стойка, холодильная камера и касса, старые, по-прежнему блестели, а кофемашина, которая варила эспрессо, какой бы шумной и разболтанной ни была, сверкала при свете низко подвешенных светильников.

Над стойкой висела доска, на которой незатейливым почерком моего отца были начертаны мелом названия напитков с их описанием. Единственным, что стиралось на протяжении многих лет, были цены. Я быстро прикинула стоимость самого первого капучино, поданного за этой стойкой. Возможно, пять центов. Времена определенно поменялись, цены изменились, и на стене появилось много новых фотографий, но, не считая этого, кафе осталось таким же, как прежде. Старые деревянные полы, потертые и щербатые, но их лелеяли так же, как столики, стулья, барную стойку, протянувшуюся у окна, выходящего на улицу. В тесном помещении к стойкому запаху цитрусового масла всегда примешивался аромат эспрессо.

Отец очень заботился о том, чтобы сохранять высокий статус и репутацию своего кафе. Помню, однажды, когда я отчищала деревянные перекладки стульев, он, подойдя ко мне, положил руку мне на плечо. Подняв голову, я заглянула в его глаза цвета карамели. В них играла улыбка.

– Помни о том, что нужно прятать поглубже свою гордость, душечка, но не сомневаться в том, что она по-прежнему жива, – сказал он. Скрученная вручную сигарета в уголке рта всегда придавала особый оттенок его хриплому и отрывистому голосу.

Работая в кафе, мне хотелось испытывать это чувство гордости, стараясь при этом смиренно поддерживать его репутацию, как учил меня отец, и хотя я не знала, какое будущее уготовано мне в кафе «У Келли», я не стала бы бесчестить его память, позволив развалиться делу его жизни. Я решила, что буду трудиться как в дневную смену, так и после закрытия, тогда как Марта и Шейл будут работать через день. Дженни, единственная сотрудница кафе, работающая по найму, будет подменять их, и, таким образом, в кафе все время будут работать двое. Дженни работала в кафе уже несколько лет, она была на два года старше меня, и каждый раз, когда я приезжала в Нью-Йорк, мы возобновляли наши непринужденные дружеские отношения.

Прошло не меньше месяца, прежде чем я освоилась с заведенным в кафе порядком. Я начала узнавать клиентов. Несколько раз в неделю по утрам в кафе заходил Джо со своими братьями, обычно занимая столик в углу. Я часто ловила себя на том, что стою неподалеку и, не стыдясь, подслушиваю их веселые разговоры. От знакомого едва заметного ирландского акцента у меня теплело на душе.

- Кто-то специально заказал такую музыку? Такое старье? Такое дерьмо? - недоверчиво спросил Пэдди, обращаясь к Джо однажды утром во вторник.

- Думаю, да, Пэдди.

- И она сыграла ее? Она что, дура?

- Все тридцать три года, которые я хожу в этот танцклуб, Пэдди, она каждое воскресенье бывает там и играет одну и ту же музыку вплоть до прошлой недели. Должно быть, кто-то просит ее об этом. Она не дура - она просто не понимает.

- Она знает английский?

- Знает.

- Ну, так как же ты это объяснишь?

- Она не понимает двух вещей - если ты играешь красивую музыку, люди танцуют и приходят снова, а если ты играешь эту чушь собачью, люди уходят.

- Поясни ей на другом примере, Джо, чтобы помочь понять. Допустим, можно сказать, что, если еда ужасная, никто не будет ее есть.

- Еда мне вообще-то нравится. Я люблю брокколи и люблю тушеное мясо, - сухо пробормотал Джо.

Пэдди озадаченно, но с интересом посмотрел на Джо.

- Тебе нравятся спагетти с фрикадельками?

В дверь кафе с позвякивающим колокольчиком, пританцовывая, вошла Дженни, как ненормальная размахивая рекламной листовкой, что моментально отвлекло меня от Пэдди и Джо.

– Слушай, слушай, вчера вечером к нам зашел классный парень и попросил меня повесить вот это, но я забрала ее себе. – Это была очень простенькая рекламная листовка, сообщающая о том, что в пятницу вечером в баре под названием «Депо» будут выступать три музыкальные группы. Первые две были мне неизвестны, но я напряглась, когда увидела, что внизу указана группа «Ivans». Боюсь, популярной ее не назовешь. – Хочешь пойти со мной? – спросила Дженни с глупой улыбкой.

– Как выглядел этот парень?

– Стильно.

– Он спрашивал меня?

– Нет, к чему бы ему тебя спрашивать?

– Ну, я познакомилась с ним в самолете и хм... не важно. Да, я пойду с тобой, но нам нужно переделать график, тогда я смогу уйти пораньше, поскольку они, видимо, будут играть первыми.

– Кто будет играть первым?

– Ну, я имею в виду... просто я хочу увидеть все три группы.

– Ох, ладно, да, конечно. В любом случае ты – босс.

– Эй, Дженни, еще один вопрос. У парня были татуировки?

– О, да. У него на предплечье наколото большое крыло ангела... очень сексуально. Я не могла отвести от него глаз, – сказала она, вскинув брови.

Это был Уилл.

Пятница подкралась незаметно. После того как я свернула всю работу в кафе, у меня оставалось несколько минут для того, чтобы добежать до своей квартиры и переодеться, прежде чем встретиться с Дженни на улице. Я решила надеть обтягивающие черные джинсы, туфли без каблуков, черную маечку и короткий серый блейзер. Я всегда отдавала предпочтение однотонной одежде и, по правде сказать, никогда не носила пестрых вещей, либо одежды с рисунком. Расчесав свои длинные темные волосы, я слегка подкрасила тушью ресницы и нанесла блеск на губы, сказала «будь умницей» Джексону, а потом пошла к двери и спустилась на улицу, где меня дожидалась Дженни.

- Ты выглядишь просто потрясающе, Миа.

- Правда? Ты тоже, подружка. Посмотри на себя, ты же великолепна!

Она оглядела себя. Дженни была одета намного наряднее, чем я. На ней была шелковая блузка, блестящая юбка, кожаная куртка и туфли на тракторной подошве. Дженни была совершенно на меня не похожа – кудрявая блондинка со светлыми глазами.

Придя в бар, мы увидели, что публики собралось немного, люди в ожидании стояли поодаль друг от друга. Мы прошли к бару, где Дженни заказала пиво, а я – то, что обычно пью, когда выхожу в свет, – водку с содовой, разбавленную клюквенным соком. Когда бар заполнился народом, участники группы «Ivans» начали выходить на сцену.

- Вон тот парень, – Дженни шумно отхлебнула пиво.

Я кивнула в знак согласия. Она таращила на него глаза, пока он настраивал гитару, стоя спиной к публике. Я почувствовала раздражение, оттого что она оказалась из тех девушек, которые теряют голову от музыкантов. Я любила Дженни, поэтому хотела присмотреть за ней. В конце концов, я понимала, что Уилл может вскружить голову и мне тоже, но я пришла сюда не ради того, чтобы он обратил на меня внимание. Мне просто хотелось узнать, талантлив ли он. Судя по разговорам в самолете, он был, по крайней мере, сносным гитаристом. Не знаю, почему я придавала этому значение или почему это волновало меня, но я пришла.

Ударник и басист тоже вышли на сцену, но вокалиста нигде видно не было. На Уилле были надеты черные джинсы и однотонная серая майка, я подумала, что мы с ним словно близнецы. Он был обут в классические черные кроссовки «Adidas», причем левый ботинок был заклеен кусочком клейкой ленты.

Группа начала наращивать ритм. Уилл выдавал душевные и западающие в память риффы, а басист вел не менее запоминающуюся тему. Ударник начал играть тихо и неторопливо. Я была загипнотизирована. Они играли динамично и оригинально. Уилл был очень сосредоточен и стоял, все еще слегка повернувшись к ударнику в глубине сцены. Было понятно, что это своего рода длинное вступление. Я наблюдала за тем, как он внимательно смотрит на гитару, слегка манипулируя грифом, чтобы изменить звук. В его стиле слышались отголоски блюза, но играл он определенно быстрее и громче. На сцену неторопливо вышел вокалист, Пит, он был без рубашки.

– Фу! – воскликнула я и даже рот открыла от удивления. По взгляду, который Дженни бросила на меня, я поняла, что она согласна со мной. Я ожидала, что он подойдет к микрофону и начнет петь что-нибудь приятное, под стать музыке, которую исполняла группа, но мои надежды не оправдались.

– Проверка звука, проверка звука, раз... два... три! – закричал Пит в микрофон. Группа резко прекратила играть. Уилл с невозмутимым лицом развернулся к публике.

Ударник в последний раз стукнул по барабанам, вскинул руку и, посмотрев прямо в спину Питу, прошептал: «Придурок!» Пит обернулся и показал ему неприличный жест.

– Можно эхо чуть посильнее? – обратился Пит к кому-то, стоящему за кулисами. Было понятно, что группа импровизировала, и публике это нравилось, но ему было плевать на это. Типичный эгоистичный вокалист. Когда группа начала играть и он запел, я помертвела. Его голос отражался так сильно, что казалось, будто мы находимся на железнодорожной станции и кто-то объявляет в микрофон прибытие и отправление поездов.

– Что за дребедень! – сказала я Дженни.

– Да, группа, кажется, и вправду хорошая, но певец – весь из себя, так доволен собой, что вызывает отвращение.

Пит носился по всей сцене как безумный. Уилл и другие музыканты просто опустили головы и смотрели на свои инструменты. Когда наступала очередь гитары или соло ударника, Пит оставался стоять у микрофона и, как полный тупица, выкрикивал «угу» и «да». Уилл на сцене был совсем не похож на того веселого парня, с которым я познакомилась в самолете. Он опустил голову вниз и ни разу не взглянул на толпу. Я догадывалась, что выходки Пита смущают Уилла, но не думала, что его так легко можно выбить из колеи.

Когда группа закончила свое выступление, я повернулась к Дженни:

– Ну что, пойдём?

– Ты чего? Не хочешь посмотреть на другие группы?

– Было весело. Но хватит, мне нужно очень рано вставать.

– Не волнуйся, подруга, гитарист – просто прелесть, но я уже слишком стара для фанатки.

Минуту я постояла в нерешительности, ожидая, что Уилл посмотрит в мою сторону, но он этого не сделал. Он тащил за сцену огромный усилитель. Я даже досчитала про себя до десяти, но он так ни разу и не обернулся.

Мы что есть духу выбежали из бара и направились к метро. Зайдя в мою квартиру, мы выпили вина, я сыграла для Дженни на пианино несколько веселых песенок. То, что я жила над рестораном, имело определенные преимущества – например, никто не жаловался на шум. У отца было старое пианино, и я любила его – не то что кабинетный рояль, купленный мамой и Дэвидом на мое шестнадцатилетие. У отцовского пианино была своя история, своя фактура и характерное звучание. Дженни подпевала знакомые ей песни, и мы отлично провели время. Она сказала, что я – удивительный музыкант, а я сказала ей, что она – прекрасная подруга, и я рада, что мой отец нанял ее. Дженни осталась ночевать у меня в гостевой спальне, и к десяти часам нам удалось уснуть.

На следующее утро я проснулась в шесть часов и повела Джексона на прогулку, а потом напечатала несколько объявлений о сдаче комнаты. Вместе с Дженни мы решили, что мне пригодится чья-нибудь компания, и Джексону тоже. Ему было тринадцать лет. Он вырос вместе со мной в Анн-Арборе, где за ним постоянно ухаживал отец Дэвида, особенно когда я первые два года училась в колледже и не могла забрать его с собой. Джексон с детства привык к свободе и ежедневным прогулкам. Было бы здорово найти кого-то, кому можно было бы поручить это дело. Я не нуждалась в деньгах, поэтому могла быть разборчивой по отношению к тому, кому я решила бы сдать комнату. Когда я уже допивала кофе, Дженни только вставала.

– Эй, я иду в кафе, до скорого. Не стесняйся и оставайся столько, сколько захочешь.

– Спасибо, подруга! – закричала в ответ Дженни, когда я направилась к двери.

Вооружившись объявлениями, я подошла к кафе. Едва подойдя к двери, заметила Уилла. Он сидел за деревянной барной стойкой у выходящего на улицу окна. Сидя на значительном расстоянии от двери, он пожевывал пластмассовую соломинку и в полной задумчивости пристально смотрел на улицу. Он вынул соломинку изо рта, и с того места, где я стояла, я увидела, что его губы чуть шевелятся. Незаметно приблизившись к нему, я склонилась к его уху и прошептала:

– Ты разговариваешь с Богом?

Подпрыгнув, он раскинул руки, чтобы заключить меня в объятия.

– Миа! Ты знаешь, что я не набожен. Как поживаешь?

В моей голове сразу возник образ Уилла, который в тот мартовский день, сидя в самолете, целовал четки, висевшие у него на шее, и тихо засмеялась. Я упала в его объятия, он обхватил меня за плечи, и мне почудилось, что он поцеловал меня в макушку. Мы были едва знакомы, но казалось, что уже давно.

– Да все хорошо.

– Я видел тебя вчера вечером в «Депо» вместе с девушкой, которая варит кофе, а потом вы ушли. Что случилось?

– Ты видел меня? – Я удивилась, почему же тогда он не признал меня?

Он засмеялся.

– Ты заметила, что мы с тобой были одеты почти одинаково? Ты была как мой маленький близнец. – Покосившись на него, я не ответила. Так мы стояли несколько секунд, пристально глядя друг на друга, а потом он ткнул указательным пальцем мне в руку и сказал:

– Ты замечательно выглядишь.

У меня проскочила шальная мысль – схватить его палец и пососать его. «Боже мой!»

Так что ты думаешь о нашей группе? – спросил он.

– Группа интересная, но Пит – совершенный деревенщина и в довершение всего ужасный певец.

– Я понимаю это, представь себе. Мы все поняли, когда он захотел назвать группу «Ради Пита».

Я громко рассмеялась, услышав это.

– Нет, серьезно, остальные – отличные парни. Вы обязаны найти приличного исполнителя.

– Эту группу собрал Пит, вот в чем дело. Мы не можем выкинуть его из его собственной группы. В любом случае это дает возможность практиковаться, во всяком случае мне. Я все время ищу новые возможности. Что это? – Он указал пальцем на объявления в моей руке.

– Да ищу квартиранта.

– Отлично, я согласен! – Он широко улыбнулся.

– Не обижайся, Уилл, но мы едва знакомы, и вообще-то я надеялась найти какую-нибудь девушку, чтобы сдать комнату ей. То есть, понимаешь, вдруг ты убийца или еще кто-то. – Я глупо улыбнулась.

– Ты смотрела фильм «Одинокая белая женщина»? [3 - Триллер Барбе Шрёдера, в котором сумасшедшая квартирантка пытается убить хозяйку квартиры.] Ты действительно думаешь, девушки лучше? – Он был невозмутим, но я поняла, что он расстроен.

– Один-ноль в твою пользу, приятель. Я подумаю об этом. А пока могу я предложить тебе кофе или еще что-нибудь?

– Нет, спасибо, мне нужно заехать кое-куда. В другой раз, хорошо?

– Уилл, ты можешь зайти в любое время в любой рабочий день, и кто-нибудь нальет тебе кофе.

Он слегка улыбнулся, а потом сказал, скосив глаза:

– Но я хочу выпить кофе с тобой.

Удивительно, что смог сотворить Уилл благодаря одной своей сексапильной ухмылке и банальным словам. У меня задрожали ноги, а потом, поскольку я не могла контролировать свой язык, я сказала:

– Комната твоя, если хочешь. Арендная плата – четыреста долларов, можешь переезжать прямо сейчас. Квартира находится над рестораном «У Сэма». Но должна сказать тебе, если мы собираемся жить вместе, значит, мы должны оставаться только друзьями. Понял?

Он обхватил ладонями мое лицо, и я ощутила на щеках мозолистую кожу на кончиках его пальцев. Я затрепетала с головы до ног, а потом у меня подкосились колени. Я схватила его за талию, а он грубо и нелепо чмокнул меня прямо в губы. Потом он сказал:

– Прекрасная идея, малыш!

– Уилл! – закричала я.

Все еще не выпуская мое лицо из своих ладоней, он склонил голову набок.

– Что? Именно так я веду себя с друзьями. – Как раз после этих слов в кафе вошла Дженни. Уилл немедленно подкрался к ней, обхватил ее лицо и точно так же поцеловал, после чего вздохнул: – Привет, малыш! – Он быстро выскочил в дверь, обернулся и посмотрел на меня через стекло. Разведя руки в стороны, он пробормотал: – Видишь? Я же говорил тебе. Я буду у тебя завтра в полдень. – Потом он ушел.

В изумлении я повернулась к Дженни, которая была потрясена не меньше.

– Что за черт?

– Это мой новый квартирант.

Она тихо засмеялась.

– Отменно.

Что я наделала? Мы собирались стать друзьями, я сама сказала ему об этом. Вот так. Но, кажется, Уилл не руководствуется подобными правилами в своей жизни. Он напомнил мне отца, и я испугалась.

Повернувшись, я стала разглядывать многочисленные фотографии на стене кафе.

Среди прочих там были снимки моего отца с Бобом Диланом, Аленом Гинзбергом, Энди Уорхолом, группой «The Clash», Уилли Нельсоном и Патти Смит. Я задумалась о будущем нашего кафе. Хотя Ист-Виллидж стал теперь куда более безопасным местом для жизни молодой одинокой девушки, я скучала по той безвозвратно ушедшей культурной среде. Кафе «У Келли» пользовалось популярностью, но времена изменились. Мы по-прежнему принимали компанию преданных завсегдатаев, а также клиентов, посылаемых нам рестораном «У

Сэма», которым хотелось посидеть и насладиться десертом после ужина, но в утренние часы в кафе было до отвращения безлюдно. Большинство кафе превратились в фастфуды, куда заходят выпить утренний кофе-латте в бумажном стаканчике. Отец отказывался следовать этим правилам. В нашем кафе не подавали кофе «навынос». Однако в былые дни Ист-Виллидж был захудалым районом, где начиналась эра панк-рока. Свобода и творчество цвели буйным цветом, что притягивало людей в такие места, как кафе «У Келли». С течением времени все это ушло, я не была полностью уверена, что как-нибудь приспособлюсь.

Когда бы мне ни требовалось принять решение, мне нужно было услышать мнение матери. Я понимала, что мы с ней разные, я была уверена в этом. В конце концов, я была папиной дочкой. Но иногда я чувствовала, что она прожила более осмысленную жизнь. Меня привлекали безопасность и предсказуемость ее продуманных планов. Она была здравомыслящей и принимала здравомыслящие решения. Впрочем, хотя моя мать была наиболее основательной из двух родителей, я по-прежнему внимала словам своего отца, его страсть была заразной. В последний раз, когда мы разговаривали с отцом, он напомнил мне о том, что нужно дарить любовь и получать ее взамен, и что я не должна заикливаться на своем будущем. Это был необычный разговор между отцом и дочерью, но потом мы с ним больше никогда так не говорили.

С другой стороны, советы моего отчима были более логичными и обычно облекались в форму письменного упражнения. Если мне нужно было принять решение, он говорил что-нибудь вроде: «Набросай для меня список доводов «за» и «против», принцесса». Как правило, мать стояла у него за спиной и кивала в полном согласии с ним. Перед моим отъездом в Европу он настоял на том, чтобы я составила подробный маршрут, с учетом расписания поездов и прогноза погоды. Это было перебором, но пригодилось.

Отец перед моим отъездом в Европу сказал лишь: «Оторвись по полной программе, душечка, но держись подальше от опиума и кварталов красных фонарей».

В последние годы, при каждом телефонном звонке, отец, называя меня по имени, цитировал Артура Рубинштейна: «Помни, Миа, «Люби жизнь, и жизнь в ответ полюбит тебя». Он был вечным влюбленным и оптимистом; относясь к этому серьезно, он хотел, чтобы я делала то же самое. Я подумала, что они с Уиллом поладили бы друг с другом.

Когда в кафе зазвонил телефон, я стояла за стойкой. Марта схватила трубку и ответила певучим голосом:

– Чудесное утро «У Келли»... О, привет, Лиз, как дела?

Я прислушивалась к тому, как Марта разговаривает с моей матерью. Я стояла к ней спиной, лицом к залу, но ловила каждое слово.

– Да, дорогая, Миа вполне приспособилась... Правда?

Я повернулась и, выбросив руку вперед, беззвучно шевеля губами, спросила Марту:

– Что?

Пожав плечами, она продолжала слушать.

– Я не уверена, Лиз. Впрочем, Миа сейчас здесь, если ты хочешь поговорить с ней. Я лихорадочно затрясла головой, ясно давая понять, что не хочу этого. Удивленно вскинув брови, она передала мне трубку. Я взяла ее, но немного помедлила, прежде чем поднести к уху. После того как Марта исчезла на кухне, я посмотрела на Дженни, до которой все доходило медленно. Рванув к кофемашине, она включила древнее чудовище.

– Ой, привет, мама! – выкрикнула я. – У нас тут полно дел, и я не знаю, расслышу ли я тебя сквозь шум кофемашины, но у меня все отлично, все замечательно! Я перезвоню попозже!

– Хорошо, дорогая, я просто хотела сообщить тебе, что приезжаю на следующей неделе. Одна. Я скучаю по тебе!

– Ладно. Целую.

– Я тоже целую тебя, будь здорова.

Дженни выключила машину, а я тупо смотрела на нее. Она знала – я не хочу, чтобы моя мама узнала о том, что я пригласила Уилла пожить у меня.

– Миа, ты взрослая девочка, а Уилл, кажется, прекрасный парень. Я уверена, в Брауне разнополюе студенты спали вместе. Что твоя мама думала об этом?

– Нет, Дженни, мама неодобрительно относится к татуированным бедным артистам, в том числе к музыкантам.

– Да, но отца она очень любила, «потому что ты здесь»[4 - Видимо, цитата из романа Ремарка «Три товарища»]. Она улыбнулась.

Дельное замечание. Может ли мама читать мне наставления на этот счет? Уилл будет просто моим соседом по квартире, я не спала с ним, и между нами не было двенадцатилетней разницы в возрасте, в отличие от них с отцом. По сравнению со мной она была испорченным ребенком.

По окончании колледжа я год путешествовала по Европе вместе с тремя соседками из Брауна. Поездку полностью оплатили бабушка и дедушка. Они сказали, чтобы я насладилась свободой, потому что надеялись: я вернусь повзрослевшей. В Европе я не пропускала ни одного музея, много времени проводила, слушая живую музыку, и еще больше – с бокалом вина.

Тем не менее я была единственной из девушек, кто не менял парней каждую ночь. Предложений была куча – европейские парни не сдерживают своих чувств. Помню, однажды в Барселоне я познакомилась с красивым баском с подходящим именем Ромео. Мы моментально поладили, меня сильно тянуло к нему. Я мягко отклонила предложение переночевать у него, потому что собиралась рано вставать. В мои планы входило сесть на поезд в Мадрид, отправлявшийся в три часа ночи. Мне до смерти хотелось вернуться в музей королевы Софии, чтобы подольше постоять у «Герники» Пикассо. Я подумала, что раз мы с Ромео явно понравились друг другу, то я приглашу его в Мадрид. Он признался, что никогда не был в музее королевы Софии. Я подумала, какому же баску не захочется увидеть это удивительное произведение искусства, имеющее такое большое историческое значение для его народа? Но, не проявив интереса, он отклонил мое предложение и продолжил поиск женщины, которую мог бы затащить на ночь в постель.

На следующий день я стояла перед огромной «Герникой», размышляя о том, что думал Пикассо, когда мне пришло в голову, что важнее было то, что он чувствовал, как он передал чувства в своем искусстве, которое вдохновляло меня. Так и началась моя тайная и подавляемая одержимость чувствительной, метущейся душой художника. Одержимость, с которой я продолжала изо всех сил бороться и в которой не призналась бы никому, даже себе.

Вернувшись из Европы, я два года провела в Анн-Арборе вместе с мамой и Дэвидом, пытаюсь придумать, как жить дальше. Я всегда так боялась принять неверное решение. Я ни с кем не встречалась, потому что парни, которые меня привлекали, казалось, не подходили для того будущего, о котором я мечтала. Я давала детям уроки игры на фортепиано и готовилась к магистратуре, подбирала подходящие колледжи. Когда умер отец, родители приняли за меня решение о переезде в Нью-Йорк. Тем не менее я была твердо настроена на успех. Я стремилась только к благоразумным взаимоотношениям, стараясь вернуть былую славу кафе «У Келли», и намеревалась добиться значительных успехов в бизнесе. Я понимала, что искусство и музыка всегда будут играть большую роль в моей жизни, но отказывалась падать в бездонную пропасть, где толпились голодные художники.

Колокольчик на двери звякнул, когда в кафе вошел мистер Подходящий. Он был хорошо сложен, скорее коренаст и ростом определенно ниже Уилла. На нем были идеально отглаженные серые костюмные брюки и белая рубашка без галстука; верхняя пуговица расстегнута, рукава подвернуты на крепких предплечьях. Он был красив, как лидер университетской футбольной команды. Бледно-голубые глаза, русые волосы и тонкие губы. Что-то детское в лице. Похож на парней, которых я обычно встречала в кампусе в Брауне, очень правильных и деловых. Я подумала, что, не скрываясь, тарашу на него глаза, поскольку на его лице появилась самоуверенная кривая ухмылка. Если бы я могла пошевелиться, я, вероятно, увидела бы, что Дженни тарашится на него точно так же. Через секунду я увидела за его спиной его маленькую копию.

«Проклятие! У него есть дети. Означает ли это, что он женат?»

– Привет, добро пожаловать в кафе «У Келли». Что я могу предложить вам?

Скосив глаза, он оглядел меня с головы до ног, а затем уставился на доску, висевшую надо мной. Я почувствовала, как под его оценивающим взглядом у меня загорелись щеки.

– Я буду капучино, а для этого парня... Хм, что такое «Душечкин какао»? – спросил он, поглаживая маленького сына по голове.

– Это просто горячий какао, – стыдливо пробормотала я.

В разговор вступила Дженни:

– С огромным куском пастилы домашнего приготовления. Божественно! Оно так называется в ее честь. – Она показала на меня большим пальцем, и у меня снова запылало лицо.

– Вас зовут Душечка?

«Наглый ублюдок. Красивый наглый ублюдок».

– Да... то есть нет. Обычно отец называл меня душечкой. – Кивнув, он улыбнулся, а затем опять оглядел меня с головы до ног. Он как будто раздевал меня глазами, и оказалось, что мне начинает это нравиться.

– Хорошо, он будет пить какао.

– «Душечкин какао» – поправила его Дженни. Я толкнула ее локтем.

– Извините, да, «Душечкин какао», – пробормотал он, не отрывая от меня взгляда.

– Отлично. С вас шесть сорок. – Когда я протянула руку, чтобы взять у него десятидолларовую купюру, он на секунду задержал мою ладонь в своей, вынудив меня выдернуть ее. – Садитесь за столик, я принесу вам кофе.

Я бросила взгляд на Дженни, глаза которой округлились, как две монеты в двадцать пять центов. Когда мужчина отошел, она вульгарно высунула язык ему вслед и облизнула губы. Я рассмеялась, а потом резко осеклась, когда он бросил на нас взгляд через плечо.

Мне не хотелось, чтобы он подумал, будто мы смеемся над ним, поэтому, принеся ему кофе, я сказала:

– Извините. Просто моя подруга думает, что у вас очень приятная внешность. – Краем глаза я заметила, как Дженни мечет в меня громы и молнии.

– А вы что думаете? – спросил он.

Я, должно быть, слегка покраснела, мой план привел к обратному результату. «Черт, черт».

– Хм, полагаю, что я, возможно, согласна с ней.

Одарив его сияющей улыбкой, я удалилась. Прежде чем уйти, мужчина остановился у доски объявлений и прочитал мою рекламную листовку с предложением уроков игры на фортепиано для детей.

Когда он оторвал ярлычок с моим телефонным номером, я сказала:

– Это я, – и, как идиотка, ткнула себя пальцем в грудь.

– Да? – Он колебался. – Я позвоню вам? – Это был вопрос. Я лихорадочно закивала.

Он улыбнулся, хмыкнул, а потом просто взял и ушел. – У него нет кольца на пальце! – радостно вздохнула Дженни. Я не ответила.

Трек 3: Попроси меня

На следующий день ровно в 12.01 в дверь позвонили. Пунктуальный, мне это нравится. Я вприпрыжку подбежала к домофону:

– Да?

– Привет, это Уилл. – Я впустила его. Секунду он поднимался по лестнице и легонько постучал в дверь. Я распахнула дверь настежь.

– Привет, проходи.

– Привет, соседка.

Войдя, он, прежде чем оглядеться, с минуту стоял как вкопанный. Я следила за каждым его движением. Он прошелся по гостиной и кухне, которые представляли собой одну большую комнату мансардного типа. Кухня ограничивалась барной стойкой и двумя большими окнами, выходящими на улицу. Вся стена с другой стороны комнаты от пола до потолка была заполнена книжными полками с пластинками, CD-дисками и книгами.

– Ах, Миа, какое чудесное место. Это старые пластинки твоего отца?

– Да.

Я ощутила, как при воспоминании об отце на меня накатывает грусть. Уилл поставил чемодан рядом с кофейным столиком, занимавшим место между двумя одинаковыми бежевыми диванами, стоявшими напротив друг друга. У стенки на выходе в коридор стояло пианино.

– Мне нравится это пианино, – пробормотал Уилл, пробегая пальцами по клавишам. Он был похож на ребенка в кондитерской лавке. Потом молча посмотрел на фотографию, сделанную несколько лет назад, на которой мы были вместе с отцом. Повернувшись ко мне лицом, он прищурился, словно прислушиваясь к Богу, а потом улыбнулся и сказал:

– Ты красавица.

Я увидела, как прекрасно и выразительно лицо Уилла вблизи. То, как он говорил со мной, внушило мне надежду на то, что он никогда не сможет солгать мне.

– Спасибо, – тихо сказала я, а потом решила сменить тему: – Я покажу тебе твою комнату.

Он пошел вслед за мной по коридору к своей новой комнате. Хотя на то не было никаких оснований, я нервничала, словно только что попросила его переспать со мной. Я показала ему просторную ванную комнату, которую нам предстояло делить. Он радостно заявил, что она размером с весь чулан, из которого он уехал. В конце коридора, слева и справа, располагались две одинаковые спальни. Я занимала отцовскую комнату справа, окно в ней выходило во внутренний дворик за зданием. В комнате слева окно выходило на улицу. Там имелись небольшой помост и пожарный выход, где, как я полагала, Уилл мог бы курить, поскольку в квартире курить запрещалось.

– Это моя комната. – Я надеялась, что он понял мой намек – ему туда входить не позволено. – А здесь твоя.

Пропустив его вперед, я стояла в дверном проеме и наблюдала за тем, как он оглядывает комнату. На стене висел постер с длинноволосым Эдди Веддером, поющим на сцене в те времена, когда он исполнял гранж. Он стоял весь в поту, без рубашки, закрыв глаза и вцепившись руками в микрофон.

Уилл ухмыльнулся, указав на постер.

– Как я понимаю, это не комната твоего отца?

– Обычно она была моей комнатой, когда я приезжала на лето.

Он произнес писклявым голосом:

– Он словно заглядывает мне прямо в душу, когда поет.

– Заткнись! – сказала я неуверенно. – Сними его, делай что хочешь. – Я показала на окно. Курить можешь на улице.

– Я бросил.

– Молодец, – искренне похвалила его я. В комнате стояла кровать с голубым покрывалом, в углу – платяной шкаф. Все остальное я из нее вынесла.

– Отлично, – сказал он, широко улыбаясь.

- Итак, мы должны выработать некоторые правила частной жизни и все такое.

- Что ж, ты работаешь днем, а я - по ночам, поэтому я надеюсь, что все будет прекрасно. - Пристально посмотрев на меня, он продолжил: - Или ты имеешь в виду что-то другое, там, я не знаю, носок на двери?

- Нет-нет. Ты прав, все будет замечательно. В любом случае мы придумаем что-нибудь по ходу дела.

- Звучит так, как будто у тебя большие планы, соседка. - Потом он подмигнул мне.

- Ладно, так, где твое остальное барахло?

- Вот оно, - сказал он, показывая на большой вещевой мешок, с которым вошел в комнату. - А мои гитары и усилитель везет наш ударник Дастин в своем фургоне. Он скоро будет здесь.

- Я вдруг поняла, что ничего о тебе не знаю. У тебя есть семья? Откуда ты родом? - От мысли о том, что я только что пригласила почти незнакомого мне человека, у которого ничего не было, жить в свою квартиру, у меня скрутило живот, но самым странным было то, что мне казалось, будто я знаю Уилла всю жизнь.

- Я из Детройта. Вся моя семья живет там по сей день. Мама работает в булочной, а отец - электрик на пенсии. У меня двенадцать братьев и сестер.

- Правда? А я - единственный ребенок. Не представляю, что такое большая семья, но думаю, это круто!

Расслабившись, скрестив ноги, он оперся татуированным предплечьем о шкаф. В комнату вошел Джексон и сел у его ног. Уилл неосознанно начал гладить Джексона по голове. - На самом деле у меня не двенадцать братьев и сестер, а один брат и одиннадцать сестер. - Он помолчал. - Мой брат Рэй - самый старший из нас, а я - самый младший, между нами одиннадцать девочек. Могу поклясться, что мои родители просто хотели, чтобы у Рэя был брат, поэтому они продолжали рожать детей. К моменту моего рождения Рэю было шестнадцать

лет, и ему было на меня наплевать. В довершение всего у всех, кроме меня, имена начинаются на Р. Дурацкая шутка.

- Ты смеешься? Что за имена? - спросила я.

Уилл с ходу перечислил их имена:

- Рэймонд, Рейна, Рашель, Рэлин, Райли, Рианна, Риз, Риган, Реми, Регина, Рэнниэл, Ребекка и потом я, Уилл.

- Они наверняка могли бы придумать еще одно имя, начинающееся с Р.

- Ну, брата назвали в честь отца, поэтому маме хотелось, чтобы меня тоже назвали в честь кого-нибудь, поскольку я был вторым мальчиком в семье. Таким образом, меня назвали в честь деда... Уилбера Райана.

- О боже! - я расхохоталась. - Тебя зовут Уилбер?

- Эй, женщина, вообще-то моего деда тоже так зовут.

Все еще хихикая, я пробормотала:

- Извини, просто я ожидала услышать «Уильям».

- Да все в порядке. Все так думают. - Улыбнувшись, он снова подмигнул мне.

От его подмигиваний мое лицо заливалось краской.

- Так что же представляет собой твоя семья?

- Я люблю их, они - замечательные. Большинство из них замужем и с детьми. У меня так много племянниц и племянников, что я даже не знаю всех их имен. Когда я приезжаю домой, то просто называю их, ориентируясь по внешности, например, Веснушка, Улыбашка, Мелкий. Они любят меня. Но, увы, мои родственники не интересуются музыкой. Они всегда считали меня странным ребенком. Вместо солдатиков мне всегда больше нравились музыкальные

записи. Я – настоящий самоучка и могу сыграть почти все, что угодно. В праздничные дни я наигрывал разные веселые песни, а вся семья подпевала. Они говорили мне что-нибудь типа: «Ты такой забавный, Уилл, со своей гитарой», но для них это было несерьезно.

Раздался звонок.

– Вероятно, это Дастин.

Мы оба подошли к домофону. Нажав кнопку, я сказала:

– Алло?

– Чувак, спускайся, я припарковался во втором ряду.

– Чувак?

– Ох. Извини, чувак, не можешь ли ты попросить Уилла подойти сюда?

– Конечно.

Я подняла глаза на Уилла, который пожал плечами.

– Он из Калифорнии.

Как будто бы это все объясняло.

– Пойдем. – Он шагнул к двери. – Ты должна познакомиться с ним.

Когда мы вышли на улицу, я увидела, что Уилл достал пачку сигарет из кармана, щелкнул по дну и зубами достал оттуда сигарету. – Я думала, ты бросил.

– Я бросил.

Он кинул пачку одному из парней, которые стояли, прислонясь к фургону, потом вынул незажженную сигарету изо рта и заложил ее за ухо. Показав на него

пальцем, пояснил:

– Это для вида, – и развернулся к фургону. – Привет, ребята, это Миа, моя соседка. Миа, это Дастин и Нейт.

У Дастина были длинные каштановые волосы и тощая жилистая фигура – типичный барабанщик. Нейт был выше ростом и поплотнее, бритоголовый. Оба парня вежливо улыбнулись мне, пожимая руку.

– Ребята, я видела вас недавно, когда вы играли в «Депо». Вы отлично выступили, но вам нужно избавиться от Пита.

– Однозначно, – сказал Дастин.

К разговору присоединился Нейт:

– Ты будешь петь с нами, Миа?

– Она может играть на пианино, – сказал Уилл.

– Что же, я должна подумать об этом, – сказала я, бросая взгляд на Уилла.

Я даже никогда не задумывалась о том, чтобы играть живую музыку или выступать в группе. В детстве я не раз играла на нудных сольных концертах, а учась в университете, изредка исполняла веселую музыку в разных кафе Анн-Арбора, но это отнюдь не означало, что я когда-нибудь собиралась сделать музыкальную карьеру. Мысль о том, чтобы играть в Нью-Йорке, где несметное количество талантов, казалась мне скорее ужасающей, чем захватывающей.

Вытащив через заднюю дверь фургона гитары и маленький усилитель, Уилл вручил мне акустическую гитару. Направляясь обратно к дому, он бросил взгляд на парней и крикнул:

– Увидимся в субботу.

Я помахала рукой.

– Приятно было познакомиться, – пробормотала я, поднимаясь вслед за Уиллом по ступенькам.

Оба заорали во всю глотку:

– Пока, Миа!

Когда мы вернулись в квартиру, я открыла футляр с акустической гитарой марки «Gibson», который несла в руках.

– Папиных гитар тут нет, но есть две подставки, если хочешь, можешь воспользоваться ими.

– Это было бы здорово, Миа. Спасибо. – Он пошел в свою комнату и начал устраиваться. Я принесла подставки. – Идеально. – Он взял их у меня из рук.

– Ты можешь играть в гостиной, когда захочешь.

– Правда?

– Да, безусловно, за исключением того времени, когда я буду давать уроки.

– Разумеется, – сказал он и посмотрел на часы. – О черт, сегодня вечером мне нужно пораньше прийти на работу, поэтому через минуту я убегу. Спасибо за все.

– Нет проблем, – ответила я, направляясь по коридору на кухню. Я поставила на стерео диск группы «Smiths» и начала нарезать овощи для салата.

Я слышала, как Уилл, идя по коридору, напевает песенку. Он идеально подражал голосу Морисси, имитируя его акцент и все остальное. Это было сверхъестественно.

«So if there's something you'd like to try... if there's something you'd like to try...» Я повернулась к нему лицом, он вскинул брови, посмотрел прямо на меня и пропел: «Ask me, I won't say no, how could I»[5 - Если есть что-то, что ты хочешь попробовать... если есть что-то, что ты хочешь попробовать... Попроси меня, я не

откажу, разве я смог бы.].

Потом он одарил меня своей соблазнительной улыбкой.

- Пока, соседка. Заходи пропустить стаканчик, если хочешь.

Он был одет в серые джинсы и черную рубашку с короткими рукавами. Обычно он выглядел таким смелым, эдаким рок-н-ролльщиком, но в рубашке с воротником смотрелся почти элегантно. Должно быть, он также прошелся пятерней, смазанной гелем, по волосам, так как теперь они не закрывали лица. Определенно, он постарался придать себе вид модного бармена.

- Пока, приятель, - прошептала я, когда он закрывал дверь. Я два года ни с кем не спала. Честно говоря, это было ненормально. Моя реакция на Уилла заставила меня задуматься о том, что мне действительно нужно забыть о безгрешной жизни, но партнеры на одну ночь не привлекали меня. В последний раз у меня был бойфренд, когда я училась в колледже. Его звали Брайан Йорк, и он учился в Брауне на музыкальном отделении. Кто бы сомневался. Помимо всего прочего, Брайан был из тех музыкантов, которых называют занудами. Он играл на тубе и хотел стать руководителем инструментального ансамбля. Он был далеко не красавец, но слегка странноватый. Он учился на курс старше меня, а я к тому времени проживала за пределами кампуса. Студенты занимали большую часть квартир в доме, где я жила, поэтому, атмосфера была как в общежитии.

Через несколько месяцев после того как мы с Брайаном начали встречаться, все в нашем доме заметили, что он вроде бы время от времени проезжает мимо. Я полагаю, он проверял, на месте ли моя машина, хотя он никогда не упрекал меня ни в чем и был начисто лишен собственнических замашек. Во всяком случае, он проезжал мимо довольно регулярно, поэтому вскоре получил прозвище Шпион Брайан. Прозвище стало таким популярным, что все стали называть его Шпионом Брайаном прямо в лицо, ему пришлось просто смириться с этим. Бедный зануда. Я знала, что на нем свет клином не сошелся. Мы расстались, но остались друзьями. Это был мой последний бойфренд.

В последний раз у меня был секс два года назад, на Новый год, в Португалии, с парнем, с которым я познакомилась в полночь на рыночной площади, когда все бросали в огромную кучу бутылки с шампанским. Толпа неистовствовала, и у меня было ощущение праздника, или же я напилась, и кто-то сказал мне, что

португальцы – великолепные любовники. Не знаю, я не помню об этом ничего, но вполне уверена в том, что во время этой шальной выходки я не снимала голубого парика. На следующее утро я, все еще в голубом парике, проснулась в чужой квартире. Он лежал на боку рядом со мной, подперев локтем голову. Он пристально смотрел на меня сверху вниз и улыбался, вдыхая мой чудовищный похмельный запах изо рта. Он ни слова не говорил по-английски, десять минут мы пытались кое-как общаться, пока я не оделась, не подошла к двери, послав ему воздушный поцелуй и не ушла. Я поклялась себе, что никогда больше не совершу такого постыдного поступка.

Мне пришлось очнуться от безрассудных воспоминаний, в которые я погрузилась. Я выглянула в окно, было еще светло, поэтому я решила выгулять Джексона. Потом я остановилась у нашего кафе. Вечером по четвергам в кафе было довольно многолюдно, так как там собиралась небольшая компания поэтов. В нее входили старики, бывшие знаменитыми в старые добрые времена, и кое-кто из студентов колледжей, которым нравилось устраивать поэтические дуэли. Привязав Джексона на улице, я принесла ему миску с водой, а потом прошла внутрь за стойку, чтобы сделать себе чаю.

– Привет, Марта. Почему ты еще здесь?

– Я уже закругляюсь. Дженни опаздывает. Ох, Миа, приходил мужчина с мальчиком. Он спросил, здесь ли ты, а потом спросил насчет уроков пианино для мальчика.

– Ха! – Я размышляла о том, почему же он сразу не позвонил мне по телефону. Потом в дверь танцующей походкой вошла Дженни с широкой улыбкой на лице. – Отчего ты такая счастливая?

– Сегодня вечер поэзии. Я люблю смотреть поэтические дуэли, с которыми выступают мальчишки из колледжа, – сказала она, вскинув и опустив брови.

Я повернулась к Марте:

– Ты можешь идти. Спасибо за все.

– Конечно, маленькая Миа. До завтра, – сказала она, крепко обнимая меня.

Марта ушла, и я вспомнила, что со вчерашнего дня так и не перезвонила маме. – Лучше я пойду домой, Дженни. Мне нужно поговорить с мамой.

– Не говори ей об Уилле, разве только ты приготовилась выслушать нотацию.

– Да, ты права. – Поцеловав ее в обе щеки, я сказала:

– Чао, красавица. – Выходя из кафе, я думала об этом. Мама довольно скоро узнает об Уилле. Поднимаясь по ступенькам к своей квартире, я услышала, как звонит телефон. Подбежав, я схватила трубку и, тяжело дыша, сумела вымолвить: «Привет».

Мужской голос ответил:

– Хм, привет. Извините, я вас от чего-то оторвал?

– Нет, просто я бегом поднималась по лестнице.

– Это Роберт Томпсон. На днях я был в кафе «У Келли» и оторвал номер телефона от объявления по поводу уроков игры на фортепиано. Это Миа?

– Да. У вас есть ребенок, который желает брать уроки игры на фортепиано?

– Да, мне кажется, мы вроде бы встречались. Он был со мной, а вы обслуживали меня за стойкой.

Это был мистер Подходящий.

– Как дела?

– Дела... – Он помолчал. Все хорошо, благодарю вас. А как ваши дела?

– Замечательно. Когда вы хотели бы привести?.. Я медлила.

– Джейкоба.

- Когда вы хотели бы привести ко мне Джейкоба?

- В любое время, когда вы будете свободны. - Тон был резковат.

- Как насчет субботы, около шести?

- Отлично, - сказал он.

- Я живу над рестораном «У Сэма», рядом с нашим кафе. Когда придете, просто нажмите кнопку с цифрой «два», и я впущу вас.

- Хорошо, увидимся в субботу, Миа.

Он не спросил ни о цене, ни о продолжительности уроков. Я задумалась над тем, насколько безопасно в Нью-Йорке давать уроки игры на пианино. Стоило бы принять меры к тому, чтобы ставить в известность Шейл или дам из кафе, когда у меня начинается урок. Именно так я и сделаю. Снова зазвонил телефон.

- Алло?

- Привет, милая, я беспокоилась о тебе.

- Прости, мама, я была занята. Ты приезжаешь на этой неделе?

- Я не смогу приехать, по крайней мере еще несколько недель. - Она надолго умолкла. - Все нормально?

- Да, конечно, - тихо пробормотала я.

- Меня завалили работой. Все в порядке, Миа? Мне кажется, ты расстроена. Как ты справляешься?

Внезапно чувство тревоги о том, что мама подумает об Уилле, и разочарование, оттого что она не сможет приехать в скором времени, сменились чувством одиночества и тоски по отцу.

– У меня все отлично. Я скучаю по нему, – сказала я надтреснутым голосом.

– Я знаю. – Она глубоко вздохнула. – Миа, мне так жаль, что я не смогу приехать раньше. Просто помни, что он с тобой, милая, его кровь течет в твоих жилах. – Последние слова она прошептала, как будто ей было очень больно говорить.

Я остановилась у пианино и долго отбивала ритм клавишей «до» третьей октавы, обдумывая ее замечание.

– Полагаю, это так, – сказала я, когда у меня по щеке скатилась слезинка.

Мы попрощались. Тем вечером я заснула в слезах рядом с Джексоном, думая об отце. Проснувшись через несколько часов, я потянулась к стакану с водой, стоявшему на ночном столике. Я взглянула на часы, было три часа ночи. В комнате Уилла света не было, но я слышала, как он тихо наигрывает на гитаре. Под успокаивающее бречание я погрузилась в глубокий сон.

На следующее утро я собралась быстро. Выходя в коридор, я бросила взгляд на комнату Уилла. Он спал по пояс голым, на боку, лицом к окну. Рука с татуировкой была закинута за голову, глаза почти прикрывал бицепс. Он казался спокойным и теплым, и у меня вдруг возникло непреодолимое желание раздеться и свернуться калачиком рядом с ним, спрятавшись под одеялом. Я тряхнула головой, отгоняя от себя эти мысли, а потом жестом показала Джексону, чтобы он лег рядом с ним. Пес подошел, обнюхал Уилла, а тот, опустив руку, погладил собаку по голове и похлопал ладонью по кровати, подзывая его. Джексон прыгнул и свернулся клубком рядом с ним. Постаравшись запомнить эту картинку, я на цыпочках пошла по коридору и вышла из квартиры.

День в кафе тянулся медленно. В пять часов я пошла в магазин и купила то, что люблю больше всего: вино, сыр, клубнику и шоколад. Я собиралась помузицировать и побаловать себя в одиночестве. Когда я вошла, Уилл, вскочив с кушетки, протянул руку, чтобы взять у меня сумки.

– Давай я помогу тебе.

- Когда ты уходишь на работу? - спросила я, передавая ему продукты.

- Я не работаю по пятницам, за исключением тех случаев, когда у нас выступления, а сегодня вечером ничего нет.

- Ого, никаких шатаний по барам с парнями?

- Я работаю в баре, Миа, и играю в барах. Приятно иногда вечером и дома побыть. - Помолчав, он спросил без тени сарказма: - Все в порядке?

- Да, разумеется. Тогда ты, возможно, захочешь спокойно провести время и завалиться спать, а?

- На самом деле я думал выпить с тобой кофе. Знаешь, просто как друзья.

- У меня есть вино, - сказала я.

- Еще лучше.

Я начала нарезать клубнику и сыр и разложила деликатесы на большом блюде вместе с шоколадом, миндальными орехами и печеньем.

- Ням-ням, великолепно, - пробормотал Уилл, пристально глядя на блюдо.

- Да, это отлично идет под вино.

- Это отлично идет подо что угодно. Было бы замечательно под текилу.

- Не пробовала.

- Нет, серьезно? Я тебе. Покажу. - Он исчез в спальне, а потом появился снова, фланируя по коридору с бутылкой «Patr?n».

Я оглядела Уилла. Он был одет в мешковатые полинялые синие бриджи с заниженной талией, подпоясанные обычным ремнем, и однотонную белую майку с V-образным вырезом. На груди были видны редкие волоски. Босоногий и

небритый, он выглядел очень сексуально.

В первом же кухонном шкафу он нашел стаканы. Налил нам обоим, взял с блюда кусочек сыра и засунул его в рот. Проглотив, поднял вверх свой стакан, подмигнул мне и опрокинул его.

– Восхитительно! Теперь твоя очередь.

Взяв кусочек сыра, я разжевала его, а потом выпила текилу, уверена, медленнее, чем он советовал мне. – Жесть! Какая гадость! Твоя идея – полный отстой, Уилл.

– Я знаю. Просто мне показалось, что нам нужно было снять напряжение.

Я закатила глаза, а он игриво подтолкнул меня локтем.

Открыв бутылку с красным вином, я налила нам по бокалу. Уилл поставил пластинку Мадди Уотерса из отцовской коллекции. Я стояла в кухне, а он сел у бара с другой стороны стойки.

– Я бы никогда не смог найти комнату за такие деньги, особенно такую, где я мог бы играть на гитаре. Я только хотел еще раз поблагодарить тебя. Я правда очень ценю твое предложение.

– Добро пожаловать! Приятно иметь компанию, и Джексону тоже нравится. Кстати, ты не мог бы его выгуливать, когда меня нет?

– Разумеется, с радостью! Я люблю собак. В детстве мне всегда хотелось иметь собаку, но родители не хотели кормить еще один рот, понимаешь?

– Да, еще бы!

Некоторое время мы продолжали болтать. Я пошла в свою комнату, чтобы переодеться в спортивные штаны и любимую старую, полинялую майку с принтом группы «Clash». Когда я вернулась, он улыбнулся и сказал:

– Ты классная. Это будет что-то вроде тинейджерской вечеринки с ночевкой, а?

Я закатила глаза.

– Не совсем.

Мы допили вино, и я потянулась за второй бутылкой. Я сомневалась, правильно ли я поступаю, но мы, кажется, действительно неплохо справлялись, обходясь без интима, поэтому я решила – почему бы и нет. Пока мы слушали песню «I'm Your Hoochie Coochie Man», Уилл, достав из кармана губную гармонику, прекрасно подыгрывал. Будучи в подпитии, я, почувствовав вдохновение, села за пианино, и, пока звучала песня, играла медленные буги-вуги. Он подошел ко мне, словно собираясь сесть рядом, и я развернула скамейку к инструменту, давая ему возможность сесть у меня за спиной. Очень трудно играть, когда кто-то совсем рядом со мной сидит за пианино. Мы сидели спина к спине. Когда песня закончилась, я начала играть попури из знаменитых блюзовых песен, а он аккомпанировал мне на гармонике. Мы продолжали допивать вторую бутылку вина, сидя на кушетке.

Взяв обычную гитару, он сел рядом со мной и сказал:

– Эта песня называется «Маленькая Миа». Потом он очень широко улыбнулся. Как только он начал играть, я поняла, что это песня «Маленькая Марта» группы «Allman Brothers».

Я засмеялась.

– Ты жулик. – Он подмигнул мне, меня быстро увлекала его игра. Опустив глаза, я смотрела на татуировку с крылом ангела, пока он перебирал гитарные струны. Я видела, как шевелятся мышцы его предплечья, его сильные и точные пальцы играли безошибочно. Он все время сосредоточенно смотрел на меня, пока я размышляла о том, на что еще способны его умелые руки.

Когда он закончил играть, я почувствовала напряжение в груди и ощутила знакомую боль, которую испытывала в его присутствии.

– Сыграй что-нибудь для меня, – предложил он.

– Мне кажется, я слишком пьяна.

– Самое то.

– Ладно. – Споткнувшись о пианино, я села на край все еще перпендикулярно стоявшей скамьи. У меня все плыло перед глазами, когда я начала неловко шарить по клавишам. Постепенно стала складываться мелодия песни Тори Эймаса «Icicle», и я наклонилась вперед, чтобы сконцентрироваться. Я громко и наугад играла навязчивую мелодию. В полном забытии я начала бормотать отдельные слова из песни, словно пропуская их через себя. Так и есть – я пропускала их через себя. Я пропускала их через себя, сидя на краешке скамейки, до тех пор, пока не поняла, что Уилл таращит на меня глаза. Казалось, он совершенно остолбенел, а потом широко улыбнулся. Я почувствовала, что у меня пылает лицо и сильно бьется сердце.

Я немедленно прекратила играть и сказала очень твердо:

– Я иду спать. Спокойной ночи, Уилл.

– Спокойной ночи, – затаив дыхание, прошептал он.

Когда я поднялась, мои слабые ноги заплелись друг за друга, и в коридоре я шлепнулась лицом вниз.

– Ой! Мать твою! – Через секунду он оказался рядом со мной. Встав, я заметила, что он смотрит на меня с любопытством. Взяв меня за подбородок указательным и большим пальцами, он приподнял мне голову.

– Ты в порядке, малыш? – пробормотал он с кривой, самонадеянной ухмылкой. Ох уж эта сексапильная ухмылка. Я даже не могла ничего ответить. Я просто уставилась на него. Закрыв глаза, он наклонился и попытался поцеловать меня, но вместо губ ткнулся губами в мою ладонь.

– Господи Иисусе, Миа, я просто хотел поцеловать тебя.

– Нет, Уилл, именно этого и не надо делать. Мы должны остаться друзьями.

А потом случилось это. С моих губ сорвалось то, о чем я пожалела в ту же секунду:

– Кроме того, ты не в моем вкусе!

Казалось, он был уничтожен и ошарашен. Я удалилась в свою комнату, чувствуя тошноту и смятение. Но больше всего я боялась, что без всякой на то причины обидела его.

Трек 4: Твое здоровье, детка!

На следующее утро я проснулась оттого что ко мне на кровать тяжело плюхнулась Дженни. Я натянула на лицо одеяло, защищая глаза от света.

– Миа, здесь воняет алкоголем.

– Да, я немного выпила вчера вечером, – пробормотала я со стоном.

– Это потому что Уилл попытался поцеловать тебя?

– Что? – Я спрыгнула с кровати и тут же повалилась обратно из-за невыносимой головной боли.

– Кто тебе сказал? Как ты здесь оказалась?

– Уилл впустил меня, а потом ушел. Он оставил тебе записку на стойке.

– Куда он ушел? – Я нахмурилась.

– Не знаю, но в костюме он смотрится стильно.

– Уилл надел костюм? – Этот вопрос я задала самой себе. – Я должна увидеть его записку.

Я рванула на кухню. Я поняла, как глупо вела себя вчера вечером. Я испытывала не только физическую боль, я страдала главным образом от морального

похмелья. Я не должна была вести себя с Уиллом так грубо, я могла бы сказать ему, что готова была целовать ему руки, когда он играл на гитаре, или о том, как меня манили его губы тогда, в коридоре. Я могла бы сказать ему о том, что чувствовала, а потом объяснить, что не хочу ничего усложнять, и поэтому мы не можем спать вместе. Вместо этого я повела себя как ничтожество.

Записка Уилла лежала на кофейном фильтре и была написана безукоризненными печатными буквами.

ПРИВЕТ, СОСЕДКА!

ПРОСТИ, ЧТО ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ ПОПЫТАЛСЯ ПОЦЕЛОВАТЬ ТЕБЯ, ТЫ БЫЛА ЧЕРТОВКИ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНА. ЭТОГО БОЛЬШЕ НЕ ПОВТОРИТСЯ. ВПРОЧЕМ, Я ПОЛУЧИЛ УДОВОЛЬСТВИЕ. МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ ТВОЕ ШОУ... НЕ ПРИДАВАЙ ЭТОМУ ЗНАЧЕНИЯ.

Я почувствовала облегчение, но, как ни странно, была разочарована, оттого что его практически не задел мой отказ. У меня в голове моментально возник образ Уилла, который таскает в свою комнату женщин – их лиц я не видела. Меня чуть было не вырвало, но я понимала: если мы хотим остаться только друзьями, мне придется согласиться с тем, что он будет водить домой подружек. Мой мозг терялся в догадках: куда же любезный Уилл мог отправиться утром, надев костюм? Дженни, подойдя ко мне, вывела меня из этого состояния.

– Черт побери, что за шоу ты устроила? – спросила она, разглядывая записку через мое плечо.

– Ерунда, просто я сыграла ему несколько песен.

– Почему тебе не нравится Уилл?

– Дженни, мне очень нравится Уилл, но я не хочу встречаться с тридцатилетним нищим музыкантом, снимающим у меня комнату за четыреста долларов в месяц.

– Ах, так вот в чем дело? По-твоему, он недостаточно зарабатывает? Хм, а по тебе не скажешь, что тебя волнуют подобные вещи. Но боюсь, это так. – Она

саркастически улыбнулась.

– Дженни, я такая же, как все остальные. Я хочу встретить мужчину, с которым можно играть в команде, а не того, кто поглощен своими эмоциями и искусством. Кроме того, я даже не думаю, что нравлюсь Уиллу, просто он, как и все музыканты, спит с кем попало.

Она пристально всмотрелась в мое лицо, а потом сказала:

– Ты как хочешь, Миа, а я иду в кафе. – Направляясь к двери, она взглянула на фотографию моего отца, осторожно приблизилась к ней и поцеловала. – Пока, папаша.

Я знала, что отец любил Дженни, поскольку он всегда так хорошо отзывался о ней. Мне казалось, что она – прощальный подарок, оставленный мне отцом. Она была отличной подругой, прямым и честным человеком. Не подлизывалась ко мне, потому что я была ее начальницей. В тот момент честность была мне необходима.

Позже я появилась в кафе. Это был еще один скучный день, поэтому я, усевшись, запивала свое похмелье чашкой травяного чая. Всю вторую половину дня я провела, глядя в окно, наблюдая за людьми и подслушивая разговоры Пэдди и Джо.

– Ты принял свои таблетки, Пэдди?

– Принял, Джо.

– И проверил уровень сахара?

– Проверил.

– Боже мой, Пэдди, сколько еще вопросов я должен тебе задать?

– Не волнуйся обо мне. Мне восемьдесят семь лет, и я все еще двигаюсь, как король танцпола, не курю уже двадцать пять лет и отлично себя чувствую.

– Думаю, что тебе нужно разнообразить свои занятия, вот и все. Я тут занимался йогой с Беверли в доме престарелых.

Они надолго замолчали. Я повернулась, чтобы увидеть выражение лица Пэдди. Вид у него был крайне раздосадованный.

– Но мы – католики, Джо.

Стараясь не смеяться, я встала, повернулась к братьям и улыбнулась. Губы Джо растянулись в улыбке до ушей, а потом он сказал Пэдди достаточно громко, чтобы я услышала:

– Ну разве дочь Алана не красавица?

– Красавица, брат.

Я сказала «спасибо» старым папиным друзьям и, прежде чем отправиться домой, помахала рукой Марте и Дженни. Роберт с Джейкобом должны были скоро прийти на урок, поэтому я надела свитер, джинсы и кеды. Убрала квартиру, я присела на кушетку и стала ждать. Уилл, должно быть, заходил домой, так как он положил письма на стойку, и я удивилась, что не видела, как он проходил мимо нашего кафе. Я надеялась, он не станет избегать меня.

Когда раздался звонок домофона, я, не медля, нажала кнопку и открыла дверь. Подбежав к телефону, позвонила Шейл.

– Алло?

– Шейл, ко мне пришли на урок. Я просто хотела, чтобы кто-нибудь знал об этом.

– Все нормально, дорогая. Хочешь, я приду к тебе?

– Нет, но если я не позвоню через час, высылай войска. Люблю тебя.

Повесив трубку, я побежала к двери. Открыла, не дав Роберту возможности постучать.

- Привет, Джейкоб, меня зовут Миа, - сказала я мальчику. - Проходи.

- Приятно познакомиться с вами, Миа. - Для дошкольника Джейкоб вел себя слишком по-взрослому.

- Привет, Миа.

Я подняла глаза на Роберта, он искренне улыбался. - Хорошо, давайте начнем. Иди к пианино, Джейкоб, и садись. Роберт, я могу предложить вам выпить?

Роберт стоял между двумя кушетками. Его взгляд был направлен вниз, он рассматривал книги, лежавшие на кофейном столике. Он не отвечал секунд двадцать, а потом поднял голову, словно только что понял, что я задала ему вопрос.

- О, нет, благодарю вас, не нужно, - ответил он, отодвигая со стола книги. Видимо, его ничего не заинтересовало, потому что он сел и начал просматривать свой телефон.

- «Жизнь фотографа», книга Энни Лейбовиц, очень интересна. Вы знаете ее? Она много работает для журнала Vanity Fair.

Он покачал головой:

- Не стоит, спасибо.

На столе было столько занимательных книг, и я была очень удивлена, что ни одна из них не пробудила у Роберта интерес. Кроме Энни Лейбовиц, там лежали книги под названием «Сесил Битон: годы в Нью-Йорке» и «Дневники Дефа Джема: Первые 25 лет последней великой фирмы звукозаписи». Поверх стопки из трех книг лежали последний номер журнала New Yorker и оставленный Уиллом экземпляр журнала Guitar. Пожав плечами, я развернулась, чтобы встать за спиной Джейкоба у пианино.

- Итак, молодой человек, давайте начнем. - Я показала ему пару забавных упражнений для развития ловкости пальцев. Ему понравилось издавать непрерывные звуки, пусть даже еще не в форме мелодии. Болтая ногами под

скамьей, он смеялся, со всей силой нажимая на клавиши. Он рассказал мне, что его мама очень хочет, чтобы он научился играть. Я сказала, что его мама умница и я научу его всему, что знаю. В этот момент Роберт поднялся с места и встал позади меня.

– Почему бы вам не сыграть что-нибудь, Миа? Тогда Джейкоб мог бы познакомиться с готовым продуктом.

Слова «с готовым продуктом» резанули мне слух, показавшись неуместными, но, совладав с собой, я села рядом с Джейкобом, который и не подумал сдвинуться с середины скамьи. Немного поерзав, я попыталась освободить для себя достаточно пространства, чтобы было удобно нажимать на педали. Роберт был явно больше заинтересован в том, чтобы посмотреть, как я играю, чем слушать, что я играю, потому что он стоял прямо у меня за спиной. Сидя рядом с Джейкобом под нависающим надо мной Робертом, я решила сыграть простенькую пьесу, поскольку в любом случае в таком положении не могла ничего сыграть как надо. Только я начала играть Гимнопедию № 1 Эрика Сати, как Роберт заговорил:

– Посмотри, что она делает, Джейкоб.

Казалось, Джейкоб лихорадочно пытался запомнить каждое движение моих пальцев.

Я тихо пробормотала:

– Джейкоб, закрой глаза и просто... слушай.

Джейкоб закрыл глаза, а я старательно продолжила играть протяжную мелодию. Хотя Гимнопедия № 1 – очень легкое, в основном однонотное произведение с очень несложной ритмикой, оно всегда пробуждало во мне сильные эмоции. Я надеялась, что оно окажет такое же воздействие на моих слушателей. Пока я играла, Роберт молчал, лишь только я закончила, они оба захлопали, при этом Джейкоб – с чуть меньшим энтузиазмом, чем Роберт.

Я руководила Джейкобом, пока он тщетно пытался повторить сыгранную мной мелодию.

– Джейкоб, я хочу, чтобы ты потренировал упражнения, которые я тебе показала. Когда твои пальцы достаточно окрепнут, ты сможешь играть так же, как я, договорились?

Он кивнул, а потом, подняв голову, посмотрел на отца.

– Ты научишься, малыш, просто делай то, что тебе говорят.

Я почти физически ощущала ожидания, возложенные на плечи четырехлетнего Джейкоба. Это напомнило мне о том, что я сама чувствовала в его возрасте. В Анн-Арборе меня обучали строго. Радость и временное облегчение приходили, когда я бывала в Нью-Йорке и играла, сидя рядом с отцом. Мне хотелось передать Джейкобу этот опыт, поэтому я начала играть самую бравурную версию «Собачьего вальса», какую умела, и Джейкоб помогал мне до тех пор, пока наши упражнения не превратились в прекрасный, но ужасный грохот. Роберт бросил на меня слегка неодобрительный взгляд.

Мы стучали по клавишам еще минут пять, пока я наконец не остановилась.

– Думаю, на сегодня достаточно.

Встав со скамьи, я направилась к двери. Джейкоб поспешил на лестничную клетку, а Роберт, повернувшись ко мне, улыбнулся.

– Учеба должна приносить удовольствие, иначе ему не захочется продолжать, – мягко сказала я.

Роберт улыбнулся.

– Это было здорово, Миа. Думаю, Джейкобу понравится. Дейна, его мать, будет в восторге.

– Так это была ее идея?

– Ну, я встречаюсь с Джейкобом раз в две недели по выходным, и его мама настаивала, чтобы я занял его чем-нибудь. Я предложил теннис, но она думает, ему больше подойдет фортепиано. Возможно, она права. – В его тоне мне

послышался скрытый смысл. – Вы изучали музыку в колледже?

– Нет, я брала уроки музыки в детстве, и все на этом, – ответила я. Он кивнул и любезно улыбнулся. Я знала, что дальнейший рассказ произведет на него впечатление. – Мое образование связано с бизнесом. Я училась в Брауне.

Он оживился.

– Серьезно? И у меня диплом Брауна.

Не сказала бы, что меня это поразило, но такое совпадение порадовало.

Мы говорили о колледже, а потом Роберт позвал Джейкоба обратно в квартиру, и мы поговорили еще немного. Мы выяснили, что учились в Брауне в разное время, потому что Роберт был на восемь лет старше меня. Он развелся два года назад и жил в квартире в Верхнем Вест-Сайде, но его бывшая жена с Джейкобом жили в Гринвич-Виллидж, поэтому в тот день, когда мы встретились в кафе, он оказался в наших краях, где они с сыном гуляли в парке. Он рассказал мне о том, что Джейкобу нравится детская площадка в Томпкинс-Сквер-парке и как пару лет назад он заглянул в кафе «У Келли».

За пару минут я в общих чертах поведала ему историю своей жизни. Он сказал, что напоминает, как однажды встречался с моим отцом, и сочувствует моей потере. Я чуть в обморок не упала, когда Роберт сказал, что является вице-президентом компании «J. P. Morgan». С каждой минутой он становился в моих глазах все круче. Я подумала, что он, наверное, самый успешный тридцатитрехлетний мужчина из всех, кого я знаю. Потом разговор перешел на другую тему.

– Миа, я впечатлен, что вы взяли продолжение дело отца, и думаю, такое маленькое хобби – это очень круто. – Он показал на пианино. – Теперь я гораздо лучше отношусь к тому, что Джейкоб берет уроки.

Я понимала, что он имеет в виду, и не могу сказать, что не была полностью согласна с ним. Ему не хотелось, чтобы Джейкоб валял дурака, занимаясь тем, что ему никогда не пригодится, но то, каким тоном он произнес «маленькое хобби», вызвало у меня раздражение. Я подумала было сказать Роберту, что люблю музыку, что она занимает огромное место в моей жизни, но вместо этого

кивнула и улыбнулась. Мне не верилось, будто он думает, что уроки игры для ребенка – пустое занятие. Я решила не замечать его небольшого промаха и сосредоточиться на том, что он – привлекательный и успешный парень, возлагающий большие надежды на своего сына и мечтающий о его большом будущем.

Когда Джейкоб начал проявлять нетерпение, Роберт сказал, что им лучше уйти. Я протянула руку для рукопожатия, он же, взяв мою ладонь, задержал ее в своей. На секунду показалось, будто он разглядывает мои ногти или решает, что делать дальше. Потом он, посмотрев мне прямо в глаза, нежно поцеловал костяшки моих пальцев. Когда он прикоснулся к ним, я ощутила его чуть влажные губы.

– Может быть, мы могли бы как-нибудь пообедать вместе?

– С удовольствием, – пробормотала я тихим голосом, пораженная его поступком.

– Я позвоню вам. – Выйдя на лестницу, он обернулся. – Ох, чуть не забыл, сколько я вам должен?

– Только ужин.

Он кивнул.

– Вы не пожалеете, – сказал он, а потом быстро сбежал по ступеням.

Закрыв дверь, я прислонилась к ней и шумно выдохнула. Я думала о том, что сейчас произошло, чувствовала головокружение и возбуждение от предстоящего свидания с Робертом, но никак не могла отогнать тревожную мысль о его неудачном браке.

Следующие два дня пролетели незаметно. Я видела Уилла один раз в понедельник, когда мы обгоняли друг друга на лестнице.

– Как дела?

– Клёво! – ответила я и дала ему «пять». Я слышала, как он тихо засмеялся у меня за спиной, выходя на улицу.

Во вторник я заметила на барной стойке новый флакон геля для душа, которым я обычно пользуюсь, с ароматом весеннего дождя. Рядом с ним лежала записка.

ПРИВЕТ, СОСЕДКА!

ВИЖУ, ТЫ ГРУСТИШЬ).

У меня сердце екнуло. Я не могла понять, флиртует Уилл или просто проявляет дружескую симпатию. Или для него это одно и то же? Но, так или иначе, мне было приятно.

Когда во вторник я вернулась домой, он, откинув голову и закрыв глаза, сидел на кушетке, слушал музыку и выглядел прекрасно.

– Как прошел день? – спросил он, не открывая глаз.

– Вполне нормально. – Мне нравилось, что у нас дома всегда что-нибудь играет, будь то новый плей-лист на iPod, магнитофонная запись, CD на стереопроигрывателе или живая музыка, когда один из нас мучает инструмент. – Красивая мелодия. Кто это? – спросила я.

– Группа «Bon Iver», у них замечательный альбом. Они целиком записали его в маленькой хижине в Висконсинском лесу, – ответил он, наконец открыв глаза и глядя на меня.

– Понятно. Отзвук кажется абсолютно органичным.

Уилл откинул голову.

– Именно так я и думал.

Я присела на кушетку рядом с ним. Нагнувшись, он ухватил меня за лодыжки и положил мои ноги к себе на колени, одновременно развернув меня к себе. Мне стало неловко, но я не шевельнулась.

– Положи голову на спинку, и давай слушать вместе, – сказал он. Я поняла, он не имеет в виду ничего такого. Откинувшись на подушку, я закрыла глаза. Он не убрал рук с моих икр, лежащих у него на бедрах. Время от времени, слушая песню, он тихо отбивал ритм на моих голених. Каждый раз, когда он так делал, я не могла справиться с собой и, улыбаясь, украдкой бросала на него взгляд. Он по-прежнему сидел с закрытыми глазами, он наслаждался моментом, музыкой... и мне это нравилось.

Так мы прослушали весь диск, закрыв глаза и не говоря ни слова. Когда песни пошли по второму кругу, мы оба вздохнули. Уилл с чуть заметной улыбкой посмотрел на меня, слегка изогнув губы. В его взгляде читалось спокойствие... или, может быть, желание?

– Как называется этот альбом? – спросила я.

– For Emma, Forever Ago [б - «Для Эммы, навечно»], – сказал он.

Повезло этой Эмме.

– Слушай, а где ты был в субботу утром? Дженни сказала, что ты надел костюм. – Мне не хотелось заводить разговор о том, что могло бы привести к обсуждению моей маленькой оплошности в пятницу, но до смерти хотелось узнать, что делал Уилл, надев костюм.

Он фыркнул и весело рассмеялся:

– Ах да, костюм. У нас всех есть костюмы. Мы с ребятами из группы иногда играем на свадьбах. Конечно, за исключением Пита.

Просто играем инструментальную музыку. В субботу было полное безумие, мы играли семь часов, а потом отрывались с подружками невесты, пока свидетельница не шлепнулась в обморок, уронив пирожные на колени Дастину.

– Ох. – Я почувствовала легкое раздражение при мысли о том, какой смысл он вкладывал в слова «отрывались с подружками невесты».

Уилл поднялся.

– Я покажу тебе фотографию.

Великолепно! Надеюсь, он не думает, что мне хочется увидеть фотографии подвыпивших девушек в платьях из тафты или, что еще хуже, вообще без ничего.

Встав, я пошла к кухонному столу, возле которого он листал свой телефон. Когда я приблизилась, показал мне экран. На фото были три парня в костюмах с инструментами в руках. Уилл держал в руках гитару «Gibson», Нейт играл на контрабасе, а Дастин – на бонго. На меня это произвело довольно сильное впечатление. Они сидели полукругом рядом с деревянной беседкой. Я смогла разглядеть на снимке другие инструменты. К стулу Уилла был прислонен укулеле, а рядом с Дастином я заметила глюкофон. Я надеялась когда-нибудь увидеть, как ребята играют на свадьбе.

– Я и не знала, что это так круто, Уилл.

Он застенчиво улыбнулся.

– Это просто для того, чтобы заработать побольше. Мы играем самую разную музыку, и это довольно весело.

Огибая стол, чтобы сесть рядом с ним, я ударила ногой. Палец пронзила обжигающая боль.

– Мать твою! – Я запрыгала на одной ножке. Уилл, встав, пододвинул ко мне стул. Снова уселся и, не говоря ни слова, взял мою босую стопу и сжал все пять пальцев, отчего боль отступила. Он пытался оценить мое состояние, следя за выражением моего лица. Я закусила нижнюю губу целиком.

Он улыбнулся.

- Ты в порядке, детка?

Я кивнула.

- Так, значит, «мать твою» - твое любимое ругательство?

До меня лишь сейчас дошло, что я ругалась как извозчик в присутствии Уилла, и я не могла понять почему. При этой мысли я умолкла, а потом подумала: к чему теперь останавливаться?

- Нет, разумеется, нет. - Я вздохнула. Боль отступила, но Уилл все еще не спускал моей ноги с колен. Он начал массировать мне стопу, ощущение было божественным. - Есть, по крайней мере, пять ругательств, которые мне нравятся больше чем «мать твою!». Среди моих фаворитов такие замечательные слова, как «дерьмо» или «срань господня», но лучше всего мой номер один, мое любимое ругательство на все времена. Это, несомненно, «говнюк». Вслед за ним идет «засранец». Должна сказать, мало что доставляет мне такое удовольствие, чем назвать кого-нибудь засранцем, если он и впрямь того заслуживает. Я люблю эти слова больше, чем щенят и малышей-тюленей.

Уилл истерически расхохотался, а успокоившись, замотал головой. Все еще ухмыляясь, он сказал:

- Миа, ты просто загадка.

Мне кажется, то же самое я могла бы сказать об Уилле.

Вскоре он встал и пошел собираться на работу, около семи ушел в бар. Наша короткая встреча прошла изумительно. Без выпивки, без секса. Мы просто поближе узнали друг друга и пообщались как друзья. Я не рассказала Уиллу о Роберте, решив, что это его не касается.

В среду я Уилла вообще не видела, но слышала. Когда посетителей в кафе было немного, я пошла в ресторан «У Сэма», чтобы забрать наш недельный заказ канноли. Хозяйка, Дениза, с семьдесят девятого года выпекала очень вкусные десерты, и мы всегда хранили их в холодильнике нашего кафе. В ресторане было тихо, если не считать приглушенного звука гитары, доносившегося сверху,

Уилл что-то наигрывал. Мелодия была мне незнакома, но вызвала улыбку, создав хорошее настроение.

Трек 5: Преданность

На следующее утро, сидя за барной стойкой, я красила ногти, во всяком случае, пыталась накрасить. Уилл зашел на кухню выпить чашку кофе. На нем были черные джинсы и черная майка без рисунка. При каждом его движении цепочка для бумажника позвякивала. Обычно у меня начинало покалывать пальцы, когда я видела мужчину во всем черном, а от вида Уилла во всем черном – тем более. Я сосредоточилась на своих ногтях.

– Доброе утро, соседка. Разве в это время ты обычно еще не в кафе?

Не поднимая глаз, я ответила:

– Я немного задержусь, сегодня поэтический вечер, и Дженни хочет познакомить меня с каким-то парнем, который ей нравится. Кажется, он участвует в поэтических дуэлях.

– Да, Тайлер. Я его знаю.

– Ты его знаешь?

– Это мой лучший друг, и он потрясающий. У него рост – два сорок, веришь?

Уилл говорил так, что даже если он и преувеличивал, то сам уж точно верил в свои слова. Все фантазии Уилла становились для него реальностью. Вероятно, он был едва знаком с Тайлером, а Тайлер, возможно, был ростом метр девяносто.

– И куда я смотрела?

Он с любопытством глазел на меня.

– Не знаю. Давай помогу. – Он взял у меня из рук лак для ногтей, а я даже не возразила. Он быстро нарисовал мне ногти, напевая себе под нос какую-то дурацкую мелодию, ни разу не смазав лак и не оцарапав меня, еще раз доказав, что у него удивительно умелые руки.

– Я поражена, Уилл, – сказала я, восхищаясь его работой.

– У меня одиннадцать сестер, ты не забыла? Перегнувшись через стойку, он ткнул указательным пальцем мне в нос и сказал: – Би-ип. Я пойду, милая.

Взяв гитару, он направился к двери и вышел, продолжая что-то мурлыкать. Я сидела за стойкой до тех пор, пока мой пульс не пришел в норму.

Позднее, в кафе, Дженни рассказала мне все о Тайлере. Я узнала, что они встречаются уже пару недель и она успела переспать с ним, но ее смена уже заканчивалась, и она не смогла рассказать мне все в подробностях. Дженни сказала, что Тайлер, для того чтобы заработать на жизнь, создал веб-сайт, где публикует свои произведения. Я рассмеялась, когда она назвала это прибыльным занятием. Бросив на меня сердитый взгляд, она сказала:

– Да, я понимаю, что он не Фолкнер, но он пишет стихи, а это романтично.

За то недолгое время, что мы были знакомы с Дженни, я поняла – какой бы бестолковой и легкомысленной она ни была, она точно знала, кто она такая, и принимала себя такой. Это качество придавало ей уверенности в себе, а я восхищалась и завидовала.

Дженни так долго работала в кафе потому, что мой отец ей хорошо платил. Кафе почти не приносило отцу дохода. Более того, совсем недавно оно работало себе в убыток, потому что отец продолжал оплачивать служащим медицинскую страховку и повышал зарплату. Для него кафе было чем-то вроде семьи, и теперь оно становилось моей семьей. Поскольку отец владел домами, где располагались кафе «У Келли», ресторан «У Сэма», моя квартира и квартира Шейл, он мог держаться на плаву и вполне прилично жить на доход от аренды. Ему было наплевать, что кафе не приносит прибыли, он был решительно настроен не закрывать его, потому что для немалого числа людей оно значило очень много. Дженни ценила преданность моего отца и продолжала работать на

него, а теперь – на меня. Зарплаты, которую она получала в кафе, хватало ей на жизнь, а посменный график давал свободу и возможность подрабатывать. За небольшие деньги она занималась дизайном веб-сайтов, главным образом для своих знакомых, а по выходным тренировала детскую футбольную команду. Я понимала, что Дженни и Марта тянут лямку вместе со мной, что подталкивало меня к принятию решений.

Я ломала голову, думая о том, что делать, но оставалось так много вопросов. Я знала, что сохраню кафе, буду жить в отцовской квартире и давать уроки игры на пианино. Но что потом? Мне хотелось большего. Я размышляла о том, смогу ли я в конечном счете применить свой диплом в сфере бизнеса. Я думала – возможно, мне удастся сблизиться с Робертом, и он поможет мне. Я составила короткий список того, что мне было необходимо сделать, начиная с чтения The Wall Street Journal и заканчивая покупкой костюма, но ни то ни другое не было выполнено в разумные временные рамки.

Время от времени жизненно важные вопросы начинали вихрем кружиться у меня в голове. Казалось, будто единственным спасением от стресса было время, проведенное с Уиллом.

Незадолго до того как явилась компания поэтов, позвонила мама и сказала, что заказала билет на самолет на следующий четверг.

Колокольчик на двери звякнул, и в кафе вошел Уилл с нахальной ухмылкой на губах. За ним шел тощий, ужасно высокий мужчина – казалось, он ростом не меньше двух метров. Впрочем, нет, двух с половиной. Уилл представил мне Тайлера. Когда мы утром разговаривали с Уиллом, он сказал только, что знаком с Тайлером, и не говорил, что вечером приведет его в кафе. Я подумала, не притащил ли он Тайлера специально, чтобы показать мне. Но, может быть, Тайлер и вправду его лучший друг.

Тайлер был со мной чрезмерно официален и вежлив, он упомянул о том, как сильно Дженни любит свою работу, и я поняла, что Тайлер видит во мне начальницу Дженни. Мне было приятно, что он пытается произвести на меня впечатление. Дженни, появившись из глубины зала, сразу же рухнула в объятия ненормально длинных рук Тайлера. Они казались счастливыми.

Все сели, и Уилл заказал ванильный латте. Он попытался заплатить мне, но я не взяла с него денег. Я заботливо приготовила ему кофе и даже нарисовала сердечко на пенке, единственное, что умела делать, хотя и беспокоилась, что он неправильно меня поймет. Когда я принесла Уиллу кофе, он секунду разглядывал сердечко, а потом, поблагодарив меня, сделал глоток. Я не хотела смущать его или вводить в заблуждение, но он мне так нравился, что казалось, будто я ему тоже нравлюсь. Пусть один его взгляд или улыбка вгоняли меня в краску, я полагала, что единственный способ надолго привязать его к себе – дружба. Как между отцом и Мартой.

Тайлер и Дженни весь вечер не выпускали из рук карманный компьютер. Когда Тайлер приготовился принять участие в дуэли, Дженни очень громко свистнула, как футбольный тренер. Я не вполне поняла стихотворение Тайлера – думаю, оно было о Нью-Йорке и о любви в большом городе. Все мы безумно громко хлопали ему. Сияя улыбкой, он подошел к Дженни и уткнулся лицом ей в шею. Время от времени я поглядывала на Уилла. Он подружился со всеми, кто был в кафе. Когда я издали увидела, с каким оживлением он рассказывает анекдоты, мне на ум пришло выражение «светский лев». В какой-то момент отдельные посетители стали подбивать его на то, чтобы он экспромтом сочинил какое-нибудь вдохновенное стихотворение. Я слышала, как он повторяет: «В свое время, ребята, в свое время».

Самонадеянность Уилла почему-то показалась мне очаровательной. Меня никогда не привлекала эта черта характера в мужчинах, но, думаю, оттого что я видела, каким уязвимым был Уилл во время полета и сегодня вечером в коридоре, его самонадеянность мне понравилась. Когда все ушли, мы с Дженни обсудили стихотворение Тайлера и ее отношения с ним. По тону Дженни было ясно, что их с Тайлером роман развивается бурными темпами. Увидев, как они общались этим вечером, мне все стало совершенно ясно.

Я вернулась домой, где в пустой квартире меня не ждал никто, кроме Джексона. Поспав немного, я стала размышлять о том, где сейчас Уилл. Такие мысли навевали тоску – ведь Уилл просто мой сосед, он не обязан мне ничем, кроме арендной платы, и мне не следует следить за ним. Потом мои мысли переключились на Роберта. Почему он не позвонил?

В пятницу утром я утащила из гостиной CD-диск с записями группы «Bon Iver», чтобы включить его у себя в комнате. Проходя по коридору, я заметила, что

дверь Уилла чуточку приоткрыта, точно так же, как в предыдущий вечер, и решила, что он не приходил домой. Я небрежно растянулась на кровати практически голая, в одной только майке и нижнем белье. Заложив руки за голову, я закрыла глаза и вообразила, что диск, который я слушала, называется «Для Мии, навечно». Я наслаждалась тем, что одна в квартире, и позволила себе погрузиться в мечты. На секунду открыв глаза, я вздрогнула, увидев, что в дверном проеме стоит Уилл с обнаженным торсом. Его полный любопытства взгляд встретился с моим. Я не сделала попытки прикрыться, я просто продолжала лежать, не проявляя никаких эмоций. Он оглядел мое тело с головы до ног, а потом я увидела, как его губы слегка искривились в соблазнительной улыбке.

- Привет, Уилл. Что делаешь? - Я очень старалась разрядить обстановку.

Прежде чем ответить, он медленно, с упоением оглядел меня.

- Молюсь, - прошептал он, а потом ушел.

Вскочив с кровати, я натянула спортивные штаны. Я почувствовала разочарование оттого что подольше не задержала Уилла, пожиравшего меня глазами, без рубашки, в одних лишь джинсах на ремне с серебристыми заклепками стоявшего в дверном проеме. Я подумала, что, возможно, смогу взглянуть на него еще разок, но, когда я добралась до кухни, он уже надел майку.

- Отличные штаны. Как насчет французских тостов?

- Звучит заманчиво.

Пока Уилл готовил завтрак, я внимательно перебирала отцовскую коллекцию, чтобы поставить какую-нибудь веселую музыку. Я остановила свой выбор на альбоме The Divine Miss M [7 - The Divine Miss M - дебютный студийный альбом американской певицы и актрисы Бетт Мидлер.]. Вынув пластинку из конверта, я включила проигрыватель и поставила первый трек «Do You Want to Dance». Едва зазвучала песня, Уилл усмехнулся, глядя на меня. Пританцовывая, вернувшись на кухню, я налила себе чашку кофе, кружась у него за спиной, пока он стоял у плиты. Когда он обернулся, я, указав на него пальцем, стала подпевать, предлагая станцевать под мою любимую песню Бетт Мидлер.

Взяв за руку, он покружил меня, потом отпустил и, наклонившись, зарычал, как тигр, притворяясь, будто хочет укусить меня в шею. Уилл умел танцевать. Если память мне не изменяет, кто-то однажды говорил мне, что лучше держаться подальше от мужчины, который умеет танцевать. Тогда я не понимала почему. Захихикав, я оттолкнула Уилла к плите и села у барной стойки. Он передал мне тарелку с французскими тостами с кленовым сиропом, черникой и бананами. Надкусив тост, я едва не расплакалась. Я смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

– Черт побери, это лучший французский тост, который я когда-либо пробовала, – сказала я, чуть было не пустив слезу.

Он благодарно улыбнулся и тихо засмеялся. – Это рецепт моей мамы. Главное здесь – настоящая французская булка и парочка секретов, которыми я не могу поделиться, иначе мне придется тебя убить.

Мы закончили завтракать, я убралась и поблагодарила Уилла, а потом вернулась в свою комнату, чтобы подготовиться к рабочему дню. Когда я, собираясь уходить, направилась к входной двери, он прокричал из своей спальни:

– Пока, соседка! Сегодня вечером мы играем в бруклинском баре «Шумная комната». Если хочешь, приходи вместе с Дженни.

– Может быть.

Выходя, я крикнула ему:

– До скорого, Уилбер! – а потом сбежала по ступенькам, сгорая от желания снова увидеть, как играет Уилл.

Дженни работала в кафе в утреннюю смену, вместе со мной. Мы были так заняты, что у нас не было возможности поболтать. Когда зазвонил телефон, Дженни сняла трубку.

– Чудесное утро «У Келли»! – Она посмотрела на меня. – Разумеется, секундочку. – Закатив глаза, она передала мне телефон.

– Алло?

– Алло, Миа, это Роберт.

– О, привет, Роберт. Разве у вас нет моего домашнего телефона?

– Кажется, я потерял его. Надеюсь, вы не сердитесь, что я звоню вам сюда?

«Почему этот парень всегда теряет мой номер? Он оторвал две бумажки с номером телефона и уже однажды звонил мне. Вице-президенты банка так не поступают».

– Да, все замечательно. Как дела?

– Отлично. Ну, поскольку эти выходные Джейкоб проводит со своей матерью, я подумал, что мы могли бы завтра поужинать. Я могу заехать за вами в семь.

– Хорошо, – сказала я, хотя не была уверена, просит ли он меня об этом или доводит до сведения.

Повесив трубку, я посмотрела на Дженни, которая ехидно разглядывала меня.

– Что?

– Ничего. Просто... он дожидался пятницы, чтобы позвать тебя на свидание в субботу? Я имею в виду, симпатичный парень, делающий успешную карьеру, но... – Пока она подыскивала слова, я с удрученным лицом стояла рядом. – Извини, Миа, я не хочу рушить твои планы.

– Нет, я ценю твою искренность, но я просто иду с ним ужинать, и только. – Я решила сменить тему. – Эй, не хочешь сегодня вечером пойти и посмотреть, как «The Ivans» играют в «Depot»?

– Я не могу. Тайлер ведет меня на какой-то особенный ужин. – Она пожала плечами, словно представления не имела, о чем идет речь.

– Ладно.

После работы я решила пойти послушать «The Ivans» одна. Сев у барной стойки, я пила водку с содовой и клюквенным соком. Как только группа начала играть, перед сценой стала собираться толпа полуодетых девиц. Программа, которую они представляли, была похожа на ту, что я уже слышала раньше, если не считать того, что примерно в середине они включили новую инструментальную мелодию.

Пит объявил песню.

– Я работаю над этой песней, я все еще жду божественного вдохновения, чтобы написать стихи, может быть, дамы, кто-нибудь из вас поможет мне?

Из толпы, собравшейся у сцены, не раз раздавалось гиканье и возгласы: «Да, малыш!» Я сразу же узнала музыку, я слышала ее через потолок, когда была в ресторане «У Сэма». Даже без слов мелодия была красивой и пробуждала воспоминания. Уилл, солируя, играл не так, как обычно, его исполнение было похоже на блюз, оно было медленным и нежным. Его ловкие руки играли уверенно. Начав играть, Уилл в первый раз посмотрел в зал, спустя две секунды наши взгляды встретились.

После концерта он отложил гитару и сквозь толпу пошел ко мне. Я видела, как он благодарит зрителей, давая «пять», хлопая их по спине. Дойдя до бара, он, прежде чем заговорить, огляделся.

– Привет, спасибо, что пришла. Ты одна?

Я кивнула.

– Как ты сюда добиралась?

– На метро.

Он прищурился. Мы долго молчали, а потом он посмотрел назад, на сцену, и в знак прощания помахал рукой остальным участникам группы.

– Готова? – он протянул мне руку.

– К чему? Я могу сама доехать до дома. Разве ты не хочешь остаться с ребятами?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дэмиен Райс – ирландский автор и исполнитель песен. (Здесь и далее примечания переводчика.)

2

«Rocky Road to Dublin» («Каменистая дорога в Дублин») – ирландская песня XIX века о событиях, которые происходят с человеком на его пути из родного городка в Ливерпуль.

3

Триллер Барбе Шрёдера, в котором сумасшедшая квартирантка пытается убить хозяйку квартиры.

4

Видимо, цитата из романа Ремарка «Три товарища».

5

Если есть что-то, что ты хочешь попробовать... если есть что-то, что ты хочешь попробовать... Попроси меня, я не откажу, разве я смог бы.

6

«Для Эммы, навечно».

7

The Divine Miss M – дебютный студийный альбом американской певицы и актрисы Бетт Мидлер.

Купить: https://telnovel.me/ru/karlino_rene/milaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)